

Литрес

Сильвия Лайм

СТИХИЙНЫЙ МИР-1

ДРАКОН ВАМПИР

Стихийный мир

Сильвия Лайм

Стихийный мир. Дракон-вампир

«Сильвия Лайм»

2022

Лайм С.

Стихийный мир. Дракон-вампир / С. Лайм — «Сильвия Лайм»,
2022 — (Стихийный мир)

Что может быть хуже, чем брать интервью у серийного маньяка, на руках которого три десятка смертей? Только попасть во дворец Повелителя огня, что убивал тысячами. А еще – оказаться в мире, где плетутся более страшные интриги, чем можно вообразить, а старый знакомец-маньяк продолжает искать новую жертву...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Цвет: темно-бурый	9
Глава 2. Цвет: запекшаяся кровь	13
Глава 3. Цвет: темно-карминный	18
Глава 4. Цвет: вечерняя заря	30
Глава 5. Цвет: винный	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сильвия Лайм

Стихийный мир. Дракон-вампир

Пролог

– А скажите, пожалуйста, сколько раз уже за этот разговор вы представили, как отрезаете мне голову и ставите на полку в своей спальне? – спросила я, сложив ногу на ногу и закусив кончик шариковой ручки прямо перед улыбающимся сорокалетним мужчиной.

– Ну что вы, Александра, ни разу не подумал ни о чем подобном, – ответил он мягко, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Наоборот, он опустил глаза, псевдопокаянно взглянув на свои аккуратные ухоженные руки со смуглым загаром и длинными пальцами. – Я же говорил вам, это не зависит от меня, и такое могло случиться с каждым в наш век экранного насилия, популяризации разврата и извращений.

– Ну конечно-конечно, – фыркнула я невольно, глядя в лицо напротив. – Как я могла бы отрезать вам голову, так и вы мне, делов-то куча, правда?

Звякнули наручники.

У моего собеседника были идеальные, спадающие на лоб короткие волосы и четкие рубленые черты лица, которые неуловимым образом менялись до неузнаваемости по желанию их обладателя. В густых прядях едва заметно прослеживалась седина, которая, впрочем, ничуть не портила странной, жуткой привлекательности своего хозяина.

В ответ на мой вопрос острый взгляд из-под тяжелых бровей сверкнул, на тонких блестящих губах появился короткий хищный оскал.

Впрочем, страшная гримаса тут же сменилась благонаправной физиономией, которую любезный до дрожи серийный убийца и маньяк Эдуард Церр строил для меня все интервью.

Тонкие пальцы переплелись друг с другом, круглые ногти блеснули аккуратностью.

Совсем недавно эти пальцы обхватывали цепную пилу, заводили двигатель, опуская жуткий прибор, и...

Конец. Жуткий и страшный.

Судя по криминальным сводкам, Эдуард Церр любил цепную пилу.

Шариковая ручка в моей руке слегка дрогнула.

– Что, так-таки ни разу и не представили мою голову? – приподняла бровь я, чувствуя, что с трудом, но все же удастся вернуть себе самообладание. – Смотрите, какая тоненькая шейка. – Я приподняла подбородок и показала пальцем на горло. – Не хочется сжать до хруста? Или, может быть, вы предпочитаете сперва разбить череп чем-нибудь потяжелее?

Эдуард предпочитал. Это тоже было в сводках.

Я медленно и незаметно сжала зубы, ладони вспотели. Признаться, это не самое легкое интервью в моей жизни, но, безусловно, самое мерзкое. Однако мне, как опытному репортеру с десятилетним стажем, известным именем на федеральном канале и безупречной репутацией, не пристало показывать свое отношение к происходящему. Пусть даже приходится общаться с монстром, который всего лишь месяц назад отрезал голову очередной молодой девушке, своей жертве. Далеко не первой, но, слава богу, последней.

В ответ на мой вопрос голубые глаза напротив снова ярко блеснули, но если в извращенном мозгу их обладателя и вспыхнули какие-то темные желания, то он больше ничем не выдал их. Эдуард молчал.

– Ну хоть капельку? Или, может быть, вы предпочитаете каких-то других женщин? Как вообще вы выбираете жертв? – подначивала я, стараясь выжать из этого интервью как можно больше. Благодаря невиданному чуду и просто конскому по стоимости подкупу должностных

лиц мне удалось выбить пятнадцать минут общения с «Цербером», как его прозвали в многочисленных новостных хрониках. Совсем скоро должен был начаться суд по его делу, обещающий завершиться обвинительным приговором в виде пожизненного заключения. У меня оставалось не более пары минут, а ничего вопиющего Эдуард так и не выдал. Конечно, интервью с серийником и так обязано стать сенсацией, но все же хотелось бы чего-то по-настоящему шокирующего: признаний, подробностей убийств, планов и фантазий чудовища. Всего того, чего я не выношу, но так любят зрители и мой редактор.

– Александра... – вдруг протянул мое имя маньяк, и я слегка поежилась, стараясь не обращать внимания на неприятный холодок в груди. Там же, под ребрами, теплилась надежда урвать не новость, а супербомбу. – Вы очень смелая девушка, не так ли? – как-то вкрадчиво и неторопливо произнес монстр, обворожительно улыбаясь.

Дразнить его мне было не страшно. Совсем рядом работала камера и не покладая рук трудился видеооператор – рослый детина под два метра с плечами Ахиллеса. Несмотря на богатырский внешний вид, у нас в редакции его все звали не иначе как Ванечкой, и он полностью оправдывал это имя, будучи в глубине души добряком. Но, к счастью, снаружи глубина его души никак не просматривалась, и я была абсолютно уверена, что в случае опасности Ванечка скрутит Цербера в бараний рог. Потому не особенно и боялась, задавая монстру один провокационный вопрос за другим, старательно подталкивая его к скандальным признаниям.

К сожалению, полностью сохранить хладнокровие не получалось. То и дело где-то под желудком промозглый ужас шевелил своими холодными осьминожьими щупальцами, то сворачивая их, то разворачивая вновь, оплетая изнутри.

Пытаясь отвлечься, я встряхнула головой, откидывая за спину кудрявый такой водопадик тонких осветленных прядей с вызывающим лиловым оттенком.

От меня не укрылось, как Эдуард Церр хищно проследил за моим движением, но и на этом я старалась не акцентироваться.

Еще Софи Лорен говаривала, что прическа влияет на то, как складывается наш день, а в итоге и вся жизнь. С волосами мне в жизни не очень повезло, Софи точно расстроилась бы, поэтому по утрам перед работой приходилось тратить уйму времени на придание им формы. Зато сегодня с веселенькой пышной укладкой я могла пожертвовать пару секунд и накрутить на палец тощенький локон, вспоминая, что на этот раз моя красота если и не спасет мир, то хотя бы никого не напугает, а в идеале – вернет мне капельку душевного равновесия.

Однако не успела я решить, достаточно ли я уравновешена или нет, как произошло сразу несколько событий сразу.

За окном микроавтобуса, в котором на скорую руку проводилось наше интервью, что-то мелькнуло. Эдуард же, не замечая ничего вокруг, придвинулся ко мне и широко улыбнулся. Да и Ванечка вдруг занервничал.

– Саш, там что-то происходит, – обеспокоенно проговорил он со стороны двери, оборачиваясь и вдруг останавливая съемку. – Надо заканчивать.

– Ты с ума сошел? Такого шанса больше не представится, – бросила я. – Включай обратно камеру, осталось мало времени.

– Саш, там... – продолжил он, но его перебил Цербер, наклонившись ко мне впервые обескураживающе, ошеломительно близко. Заставляя меня оцепенеть в один миг.

С улицы раздался шум, начали подниматься крики, а я видела лишь голубые глаза напротив. Такие холодные, словно льды затерянного в глуши лесного озера, на дне которого виднеются иссиня-мертвые человеческие лица...

– Алекса-а-андра, – тихо протянул Цербер, поглядывая то на меня, то мне за плечо, очевидно радуясь тому, что Ванечка отвлекся.

Мое имя на его языке отдавало тошнотворным привкусом. На меня накатила первая волна страха, словно предчувствие чего-то ужасного.

Но с чего бы взяться этому ужасному, если все продумано до мелочей? Микроавтобус окружает кольцо конвоя, вокруг бродят несколько служебных собак с инспекторами-кинологами. Стоит Эдуарду Церру попытаться покинуть самостоятельно пределы нашего узкого интимного пространства или выкинуть какой-нибудь непредвиденный фортель, как дула автомата будут торчать у него из каждого неприличного места.

И все же что-то темное надвигалось.

– Вы никогда не думали, почему мужчина со склонностью к насилию выбирает ту или иную жертву? – еле слышно выдохнул Цербер так, что услышать его могла лишь я одна.

До кожи донеслись отголоски его дыхания, и нервные клетки под ней будто приморозило.

Рядом с остро внимательными голубыми глазами Эдуарда мне начало казаться, будто время замедляется, хотя на самом деле оно, наоборот, двигалось явно в ускоренном ритме. Ведь крики на улице усиливались, и прямо сейчас где-то поблизости раздался визг тормозов.

Что-то взорвалось.

Теперь и я поняла, что, мягко говоря, неплохо бы закругляться. Но любопытство возобладало над доводами рассудка. Любопытство, а еще странное ощущение, будто ледяной взгляд напротив меня гипнотизирует.

– Нет, не думала, – ответила я тогда, не отрывая глаз от маньяка. – Вы расскажете мне?

Казалось, он вот-вот должен был сделать какое-то признание, и я уже с предвкушением представляла газеты, пестрящие заголовками:

«Эдуард Церр, чудовище, убившее тридцать шесть человек, открыл, как выбирал своих жертв...»

«Молодая и талантливая журналистка Александра Колдунова вывела у столичного маньяка ошеломляющую правду!»

«Впервые в истории Цербер признался Колдунье!»

Это даже почти обрадовало. Почти. Потому что сам факт интервью с маньяком от начала до конца был лишен положительных моментов.

– О, с удовольствием расскажу вам кое-что, Сашенька, – чуть хрипло ответил мне Церр, вызвав почти неконтролируемую вспышку бешенства, смешанную со страхом.

«Сашенька...»

– Часто все происходит спонтанно, – продолжал он медленно, не отрывая от меня липкого, как паутина, внимания и словно не замечая, что на улице раздался новый крик. – Я не хочу убивать кого-нибудь, понимаете, я ведь нормальный человек, такой же, как вы. Просто иногда что-то происходит внутри... будто щелкает. И ты уже не можешь остановиться...

Как я ни старалась отогнать дурное предчувствие, от взгляда и слов Цербера каждый мельчайший волосок на теле вставал дыбом.

– Так бывает, когда ты уже выбрал кого-то... – продолжал чуть хриплый голос чудовища, проникающий в меня, словно колючая металлическая стружка под ребра. – Редко случается так, чтобы ты видел свою жертву заранее, чтобы мечтал сделать ее своей задолго до того, как удастся услышать ее последний крик...

Сердце пропустило удар.

Эдуард Церр хищно улыбнулся.

– Саша, быстро наружу! – закричал Ванечка, я повернула голову и поняла, что он... открыл двери машины и выскочил из микроавтобуса, оставив меня один на один с серийным убийцей!

С серийным!

Убийцей!

Да, пусть Цербер был в наручниках и не выглядел особенно опасным, учитывая конвой и охрану, что ждали на улице, но это все равно было возмутительно!

Правда, возмущаться на этот счет оказалось уже поздно.

Именно в этот момент Эдуард Церр вдруг дернулся вперед и тихо прошипел мне в лицо прямо перед тем, как все понеслось к дьяволу:

– Прямо как сейчас, когда я *ВЫБРАЛ ТЕБЯ, САШЕНЬКА...*

Его физиономию впервые за все интервью до неузнаваемости исказила гримаса – кривая улыбка, какое-то темное бешенство, которое не ожидаешь увидеть на лице простого человека, а затем уследить за происходящим стало невозможно.

Эдуард отвлекся, следом за мной повернувшись в сторону узкого окошка микроавтобуса, откуда на нас стремительно надвигалась огромная тень, пока не накрыла полностью.

Раздался оглушительный удар и взрыв.

Меня отбросило к противоположной стене, тяжелый кузов автомобиля развернуло и покорежило, словно он был сделан из картона. Кресла вырвало из пола, одним из них меня и придавило.

Где в этот момент находился Эдуард Церр, я не имела ни малейшего понятия.

Хотелось закричать от боли, но почему-то не получалось, уши резануло изнутри оглушительным грохотом, после которого все вокруг потонуло в раскаленном пламени.

«Маньяк и серийный убийца по кличке Цербер выбрал свою следующую жертву» – это могло бы стать прекрасным заголовком в ленте новостей, если бы нас обоих не поглотила страшная авария. И это даже несмотря на то, что у меня была очень даже неплохая прическа!

* * *

Глава 1. Цвет: темно-бурый

– Помогите!!! – через мгновение крикнула я вполне громко, звонко и безо всяких проблем. А затем, открывая глаза, села, уперевшись руками во что-то мягкое и прохладное. – Какого лешего?..

Не было никакой больничной палаты, писка приборов, хотя готова поспорить, что именно там я и должна была оказаться после того страшного взрыва. Но, увы, никто вокруг не бегал, не суеился и не пытался привести меня в порядок.

А я определенно не могла быть в порядке!

– Приснилось, что ли?.. – проговорила я, совершенно сбита с толку, касаясь пальцами губ и ожидая почувствовать подушечками растрескавшееся мясо. Но губы были нормальными, прежними. – Пожар... я совершенно точно попала в пожар, – пробормотала я, пошире открывая глаза и все равно не видя ничего вокруг от затопившего сознание воспоминания.

Микроавтобус, интервью, Эдуард Церр, маленькое окошко... Затем удар, многочисленные взрывы и огонь.

Много огня...

Глаза медленно начинали фокусироваться, я вытянула вперед дрожащие руки и... едва не закричала.

Кожа на ладонях была красной и рыхлой, обожженной. Но напугало вовсе не это! Подумаешь, ожоги! Уж наверное, не ровенький загар на них после аварии должен был появиться. Ожоги – это нормально, простое их наличие означало бы, что я в здравом уме.

Но мои-то не просто были в наличии, но еще и на глазах рассасывались! Словно кто-то щелкнул мышкой по ползунку видеоплеера, прокрутив запись жизни вперед. Несколько секунд – и от кровавых пятен не осталось и следа.

– Что же это за?.. – слегка заикнувшись, выругалась я, хотя никогда за мной не водилось подобной привычки. Руки, теперь уже полностью излечившиеся, все же задрожали.

Подняла голову, попытавшись понять, где нахожусь, понадеявшись, что после аварии я просто не слишком хорошо соображаю и вот-вот все придет в норму. Но надеждам на благополучный исход было не суждено оправдаться.

Я оказалась на обочине узкой земляной дороги, по которой туда-сюда сновали странно одетые люди и тут же ездили конники на лошадях, украшенных невероятными, будто театральными или цирковыми доспехами. При этом, что странно, почти все животные были лишены гривы и шерсти на хвосте. Лысые. Как египетские кошки.

Хорошо хоть, не в складочках! Зато, если приглядеться, были у них шипы по периметру позвоночника...

Я встряхнула головой.

Если отвлечься от дурацких лошадей, то можно было заметить неподалеку криво расставленные домики, словно в окружающий ландшафт их понатыкал пьяный декоратор. Они пестрели непонятной геометрической формой и разноцветным камнем. Крыши смотрелись и вовсе какими-то нелепыми, будто кремовые шапочки на коктейлях.

Я повернулась в другую сторону и заметила вдали нечто совершенно уж невероятное: купола и острые шпили громадного замка, частично тонущего в облаках.

– *Estivaltes dem sunal airo?* – раздался вдруг громкий мужской голос чуть в стороне. Но я даже не повернула головы, старательно изучая окрестности.

Первое, что приходило в голову, – я оказалась на площадке какой-то киностудии, где вот-вот начнутся съемки фильма. Скажем, после интервью с Эдуардом Церром я так перенервничала, что упала в обморок, и, пока была в беспамятстве, Ванечка решил пошутить, привезя меня сюда.

Но даже в такую нелепую историю было невозможно вписать огромный замок на горизонте! Домики для фильма еще можно построить, но огромный дворец – вряд ли!

– Estivaltes dem sunal airo?! – уже более раздраженно кто-то проговорил неподалеку. Но мне-то что?

У меня между ушами вокруг той самой ниточки, где у блондинок крыса повесилась, как раз в этот момент стали крутиться названия для киномобстселлеров, которые на такой шикарной площадке можно было бы снять:

– «Лысые лошади против зомби»...

Мимо проехали два тех самых «дивных скакуна». Я проводила их взглядом, почти смирившись с тем, что моя «крыша» на место уже не встанет.

– «Сумасшедшая Александра и замок Синей бороды»... – продолжали крутиться названия, пока я рассматривала дивный дворец вдаль.

– Estivaltes dem sunal airo?! – раздался уже над самым ухом злобный голос. И, не поворачивая головы, я таки поняла, что это по мою душу.

С таким возмущением обращаться можно только к совершеннейшей неудачнице... вроде меня. Только полную неудачницу угораздило бы оказаться в таком нелепом месте.

Медленно развернувшись, я встретила взглядом с темноволосым всадником весьма внушительного вида. Он замер на обочине буквально в шаге от меня, тогда как остальные люди шли мимо, не обращая на нас ни малейшего внимания.

Что примечательно – у этого всадника было все в порядке с лошадьё: и грива на месте, и пушистый хвост. Мощная черная шерсть свисала с шеи животного и даже была заплетена в косы.

– Это вы мне? – проговорила я с расслабленностью и легкой улыбочкой, граничащей с идиотизмом.

Говорят, есть такое маниакальное расстройство мозга, когда больной живет в выдуманном мире и периодически возвращается в нормальный. Тогда он может рассказать доктору все, что видел, в мельчайших подробностях. Он описывает людей, невиданную архитектуру, события и интриги, которые происходили с ним в «его» мире. И обычно рассказы столь реальны, что бывает трудно поверить, что все они выдумка.

Хотелось бы верить, что это не мой случай, но пока все указывало на обратное: кукушка улетела и машет крылышками где-то далеко-далеко от хозяйки.

Тем временем мужчина снова что-то спросил и, видя, что я ничего не поняла, страшно нахмурился, явно выругался на своем непонятном языке, а затем махнул на меня рукой и отвернулся, чтобы поприветствовать кого-то.

Этим кем-то оказался второй всадник, который приближался к нам на всем скаку, распугивая людей на дороге и не обращая на это ни малейшего внимания.

Резко осадив коня так, что тот встал на дыбы, всадник остановился прямо напротив моей скромной персоны, мощно и со вкусом обливая меня грязью с ног до головы. А затем невозмутимо начал что-то рассказывать своему другу.

В мою сторону даже не взглянул.

Бравые скакуны двух «джентльменов» фыркали мордами у моего лица и тянулись, норовя пожевать мне волосы.

Я стиснула кулаки, чувствуя, как выхожу из себя. Кукушка кукушкой, но я официально заявляю, что любой приличный мужчина обязан иметь совесть не только в переносном смысле, но и в прямом! Даже если он плод моего маниакального расстройства!

Незнакомая речь стала еще сильнее раздражать, звуки врезались в уши, как тархтение старого чахлого мотоцикла.

Я на миг зажмурилась и с усилием потерла виски. Словно это могло помочь!

– Шли бы вы отсюда. И голодных этих своих заберите! – бросила я, открывая глаза и вынимая свои волосы из пасти ближайшего коня. Не знаю, что нашло на это животное, возможно, со мной сыграл злую шутку кондиционер для волос с запахом корицы и яблок. В общем, лошади от меня отстали, зато конники не торопились извиняться. Замолчали только и глядеть стали так странно, пронизывающе. – Это ж надо, какие... судаки ко мне приплыли...

Мужчины продолжали молчать, чем еще больше выводили меня из себя. Один даже направил своего коня еще ближе ко мне, отчего я едва не оказалась под копытами. На голове ближайшего конника блеснул шлем с острыми иглами по бокам.

– Эй, осторожнее! *(мат), что ж вы слов-то русских не понимаете?!..

Я попыталась вскочить на ноги, но поскользнулась и снова упала. Попу ушибла...

Сильно сомневаюсь, что кто-то на моем месте сохранил бы самообладание, а потому у меня не было ни капли не ругала себя за несдержанность. Однако именно она послужила причиной всех тех ужасных событий, которые случились со мной после.

Ведь почему-то как раз эти мои цветастые эпитеты всадники поняли преотлично. А они вообще-то только что на чужом языке говорили! Вот с какой стати, спрашивается?..

– Что ты сказала, маленькая оборванка? – выдохнул тот, что и соизволил остановить свою животину напротив меня, испортив весьма прекрасную одежду и в меру прекрасное настроение.

– Я говорю... вы... – от удивления я совершенно забыла о том, что хотела повторно обложить этого нехорошего человека витиеватыми ругательствами. Теперь на повестке дня было другое: если он меня понимает, то, может быть, объяснит, что тут происходит? Но, как назло, все правильные слова повывлетали из головы, я даже слово «лошадь» никак не могла вспомнить. – Я говорю, образина эта голодная... ну кляча... в смысле...

В общем, фраза: «Ваш конь любезный объел мне половину прически, а посему извольте, милостивые господа, отозвать от меня это прекрасное животное» – не удалась.

Незнакомец хоть и заговорил на вполне понятном языке, явно не сообразил, о чем речь. А может быть, сообразил слишком хорошо.

– Ах ты маленькая дрянь! – воскликнул всадник, спешиваясь и делая навстречу ко мне пару стремительных шагов. – Я научу тебя, как следует разговаривать с легатами Красного дожа!

Все это он процедил, глядя на меня совершенно бешеными, широко распахнутыми глазами на смуглом, краснеющем от ярости лице. Еще этот его шлем с рогатым гребнем и иглами придавал зловещести происходящему...

У меня в ушах зазвенело, в глазах помутилось, а в следующий миг этот нехороший человек поднял руку, и в ладони у него загорелось не абы что, а ослепительное пламя!

– Ох, огонь... – только и выдохнула я, отползая назад по грязной траве. – Пожалуйста, не надо...

Горло сдавило спазмом, я никак не могла взять себя в руки. Яркое ядовито-оранжевое пятно заставляло все внутри скручиваться и холодеть от неконтролируемого адского ужаса.

Никогда со мной не было ничего подобного. Только потом я осознала, что это было что-то вроде панической атаки на фоне пережитого стресса. Но сейчас я лишь отчетливо ощущала, как земля начинает кружиться, а я теряю связь с реальностью.

– Эй, стой, ты что творишь?! – кричал где-то рядом друг этого ушибленного на голову легата Красного дожа.

А потом в меня полетел сгусток пламени. Я едва успела выставить перед собой руки, чувствуя, что сердце от страха вот-вот разорвется. Что я сама вот-вот разорвусь.

Кошмар повторялся. Совсем недавно я едва не сгорела заживо в реальном мире и вот-вот должна была сгореть в вымышленном.

В обморок я падала с одной-единственной мыслью: дурацкое у меня подсознание, совсем без фантазии!

Зато когда очнулась... жаловаться на фантазию стало уже некогда. Потому что легат Красного дожа по чудовищности и рядом не стоял со своим хозяином...

* * *

Глава 2. Цвет: запекшаяся кровь

Спустя примерно час в императорском замке Хальвейль...

– Подойди ближе, – проговорил мужчина, которого все здесь звали Красным дожем.

Понятия не имею, что значит это имя, но почему-то оно пугает. А еще пугает то, что мои руки и ноги закованы в цепи.

Мужчина взглянул на меня, и все внутри перевернулось. Кажется, будто я в раю и аду одновременно.

У него длинные черные волосы, струящиеся по спине и падающие на обнаженную грудь блестящим обсидиановым водопадом. На левом плече вытатуирован громадный горящий дракон с раскрытой пастью. И, клянусь, иногда кажется, что рисунок движется...

Я схожу с ума. Под кожей словно медленно расползаются маленькие раскаленные змеи.

Но есть еще кое-что более ужасное. Это глаза Красного дожа. Если бы мне кто-то рассказал нечто подобное, не поверила бы никогда, но они то и дело вспыхивают раскаленным рубиново-красным огнем. Не в переносном смысле, к сожалению, а вполне в прямом.

Вот как сейчас.

– Слушайся моего приказа, если хочешь остаться в живых, – почти рычит он, и я вижу на его лице натуральное бешенство от моего бездействия.

Он стискивает челюсти, отчего подбородок превращается в острую сильную линию, что ведет к самому уху и мощной шее, на которой виднеются вены. А глаза... глаза теряют радужку, исчезают белки, и на их месте загорается чистое пламя. Оно выходит за границу век и слегка облизывает кожу.

Кажется, будто он горит изнутри, и если глаза – это зеркало души, то его душа – Инферно.

Я все еще стою на месте, не в силах пошевелиться или вымолвить хоть звук. Создается впечатление, что я умерла. А может, что и похуже.

Огонь пугает меня так сильно, что я готова закричать, но зубы стиснуты почти до хруста.

Но есть и кое-что странное. Несмотря на страх, от которого подкашиваются ноги, я не могу не отмечать мрачную, пугающую красоту этого мужчины. Он настолько ослепительно прекрасен, что кажется, от одного взгляда на него можно умереть. Дыхание застревает в горле, и в голове пульсирует лишь одна мысль:

«Невозможно быть настолько красивым. Никогда. Это противоречит природе...»

Но вот он – стоит напротив меня, пылая яростью, и хочется кричать от одного его взгляда, как будто внимание его огненных глаз приносит физические страдания.

Частично так оно и есть.

Лишь отдаленно в последний момент перед тем, как становится уже поздно, я понимаю, что снова не выполнила его приказ.

Я не сдвинулась с места.

Красный дож заводит руку за спину, туда, где благодаря перекрещенной портупее удерживаются две странных рукояти с навершиями в виде золотых драконовых голов. У металлических наверший тоже рубиновые глаза.

Дожд достает одну из этих штукоев, и меня пробирает с ног до головы, но что-то делать уже поздно.

Рукоять в мужской руке с крупным рельефом мышц вдруг чуть преобразовывается и удлиняется. Словно змея.

Мгновение – и взмах длинного антрацитового хлыста. Звук удара. Резко – я почти не успеваю уловить это движение взглядом. И черный хвост со всей силы ударил о каменный пол возле моих ног.

Я тихо вскрикнула, попытавшись закрыть лицо руками, скованными цепями. Внутренности стянуло тугим узлом.

Удар был такой силы, что кажется, будто от него блестящая жемчужная плитка пола должна встать дыбом, разлетевшись каменным мясом и крошевом замковых костей.

Но, открыв глаза, я ничего этого не вижу. Пол идеально чист, как и прежде.

Дождь сжимает рукоять своего колдовского хлыста и смотрит на меня. Его глаза медленно становятся нормальными, но не до конца. Во внешних уголках еще пляшут маленькие язычки пламени.

– Ты немая? Или глупая? – прищурился он, склонив голову чуть набок.

Мне жутко обидно, и только это колющее чувство внезапно обретает способность привести меня в порядок.

Удивительно: не страх, не удивление, не инстинкт самосохранения. А обида.

Я приподняла подбородок, бросив на Красного дождя настолько мрачный взгляд, насколько могла в такой ситуации.

– Хватит пугать меня, – вырвалось откуда-то из меня отрывистое, но не тихое. – И я сделаю... что посчитаю нужным.

Глаза дождя едва заметно расширились. Огонь из них полностью ушел, что странно.

Ну и слава богу! Раскаленное кольцо страха теперь сжимает грудь уже не так сильно. Без огня я справлюсь. Выдержу.

Поэтому через пару ничтожных мгновений, когда липкая змея ужаса потихоньку ослабила кольца вокруг моего горла, я снова начала невольно разглядывать мужчину напротив. Того, перед кем тут все кланяются, едва не расшибая лбы об пол.

Лучше бы отвернуться, конечно, но у меня почему-то нет на это сил. Само существо этого человека цепляет меня невидимым крючком, и я уже не хочу глядеть ни на что другое.

На нем брюки, с виду кожаные, украшенные какими-то серебристыми вставками там, где должен быть пояс. Рубашки нет, как и прочей одежды. Только крестообразная португеза с теми странными жезлами, один из которых дождь медленно возвращает на место.

Потом я узнаю, что эти жезлы могут быть как чудовищным оружием, так и кое-чем пострашнее... Но это потом. Сейчас я лишь покрываюсь легкими колющими мурашками, когда смотрю на них.словно в предчувствии.

Рубиновые глаза металлических драконов в наверху жезлов синхронно вспыхивают и гаснут.

– Так ты умеешь говорить, ну надо же, – чуть хрипло проговорил мужчина и двинулся ко мне. Медленно, почти по-звериному.словно подкрадывался.

Я бы отступила назад... а впрочем, я и впрямь отступаю. Пока не упираюсь спиной в стену. В роскошную стену великолепного замка, который могла бы рассматривать часами, гуляя по нему с какой-нибудь экскурсией.

Но сейчас я вынуждена прижиматься к удивительной лепнине сжатыми в спазме лопатками, и не думая разглядывать диковинные сюжеты и рисунки.

– Я подойду к тебе сам, в качестве исключения, женщина, – говорит он, а потом добавляет нечто странное: – Стражники сказали, что ты обладаешь даром огня. Покажи мне.

– Что?.. – выдохнула я, чувствуя расстройство оттого, что лишь одно упоминание об огне заставляет желудок сжиматься.

Дождь делает еще один шаг и оказывается вплотную ко мне. Его красивые темно-алые губы не улыбаются. Они плотно сжаты. Лицо напряжено.

Он не настроен шутить.

А я как будто анекдоты ему травлю!

Тоже стиснула зубы, вновь поднимая подбородок, чтобы заглянуть в глаза. Когда не горят, они у него невероятного темно-рубинового цвета. Смотрела бы и смотрела.

– Магия, – бросает он, словно ругательство. Встряхивает головой и приказывает: – Колдуй.

Оттого, что его обнаженная грудная клетка всего в двух ладонях от меня, я едва дышу. Но и этого хватает, чтобы ощутить, как воздух вокруг его тела нагревается, будто от живого огня. И приобретает странную вкусовую притягательность... Я не ощущаю запаха, только тепло. Но это тепло, проникнув в легкие, согревает изнутри... а потом двигается дальше и падает в основание живота, чтобы разлиться там огненной лавой.

Проклятье.

Кажется, меня это заводит.

– Я не умею колдовать, – ответила, и дож ощутимо скривился, словно я сказала нечто ужасное.

Его удивительное лицо от этого не становится менее привлекательным. Хочется протянуть руку и вместо того, чтобы толкнуть, коснуться его изогнутых губ, стирая с них раздраженную волну. Хочется ощутить, насколько они мягкие и горячие...

Мужчина бросает на меня очередной взгляд, быстро осматривая всю меня с головы до ног и обратно, словно там что-то могло измениться.

Вздрагиваю, хочется спрятаться.

Не выходит: некуда. Тонкие серебристые наручники на руках вздрогнули цепями, когда дож резко наклонился, едва не столкнувшись со мной лбами, вскинул руки к стене над моей головой и оперся на нее. От этого мышцы на его грудной клетке натянулись, плечи стали еще более рельефными.

Мое чертово дыхание застряло где-то в горле. От этого стыдно, зло и... горячо.

– Допускаю, что ты можешь не знать о том, на что способна, – тихо говорит дож, склоняясь к моей щеке, почти скользя по ней своей, но все же не касаясь. Я чувствую его дыхание, и по позвоночнику будто расползаются огненные ленты. Под желудком все сжалось, я едва могу вздохнуть, и это одновременно приятно и раздражает. – Но ты должна понимать, что, если ты лжешь... – его тихий шепот обволакивает туманом, и на меня будто падает раскаленная лавина огня – его угрозы, – ты меня очень разочаруешь, женщина. А те, кто разочаровывают Красного дожа, не выходят отсюда живыми.

– Убьете беззащитную девушку? – вскинулась я, чувствуя, как меня потряхивает от раздражения. – Девушку, которая даже двинуться не может, потому что на руках наручники, а на ногах – кандалы? Смело, Красный дож. Вы, наверное, самый смелый в этом замке, да?

Помирать – так с музыкой.

Мужчина отпрянул от меня так быстро, словно его змея ужалила. Кобра очковая, я то бишь. Как раз очкую не по-детски.

Впрочем, ни руки, ни ноги дожа не двинулись с места, лишь горячее дыхание перестало щекотать кожу – теперь он смотрел мне в глаза, не отрываясь, словно пытался там что-то вычитать.

– Обвиняешь меня в трусости? – спросил он негромко и так удивленно, словно сам не верил тому, что говорил. Черная бровь с изломом взлетела вверх.

Я слотнула ком в горле, случайно бросив взгляд ему за спину, где, сверкая глазами-рубинами, покоились в ножнах два жезла-дракона. А потом набрала в грудь побольше воздуха, закрыла глаза и... успокоилась. Медленно выдохнув, я снова посмотрела на мужчину напротив и ответила так ровно, как могла:

– Обвиняю.

Ну все, копайте яму длиной метр семьдесят. Лучше – метр восемьдесят, чтобы не тесно было.

Однако я все равно надеялась, что слова звучали так же уверенно, как мне хотелось. А не настолько, насколько я себя чувствовала.

Видимо, мне это удалось, потому что через секунду мир едва не схлопнулся перед глазами, словно умирающая звезда.

– Подумай еще раз, – прошептал Красный дож, схватив меня за шею и резко придвинувшись.

В глазах потемнело. Если прежде мне не хватало воздуха фигурально, то теперь вполне буквально. Его пальцы сжимали мое горло, а я словно в замедленной съемке отсчитывала удары собственного сердца.

Несколько мгновений ничего не происходило. В висках бешено бился пульс. Дождь просто смотрел на меня, и в его рубиновом взгляде то зажигались, то потухали пугающие искорки, которые засасывали меня, гипнотизировали.

Я обхватила мужское запястье, с трудом смыкая на нем пальцы, потому что наручники мешали двигаться. Попыталась убрать его руку, но это было все равно что бороться со скалой. Я чувствовала себя беззащитной. Песчинкой.

На глаза навернулись слезы. Сами собой, клянусь, я далеко не плакса. Но обида душила не слабее руки Красного дождя. Может быть, даже сильнее.

Какого ежа этот тип себе позволяет?!

А он вдруг резко сдвинул брови, отвернулся и шагнул куда-то в сторону.

Я глубоко втянула воздух ртом, растирая шею, и уже открыла было рот, чтобы выругаться. Чтобы назвать дождя садистом, свиньей или кем-то в этом роде... Но замерла.

В голове вспыхнула острая резкая мысль: что-то не так. Где-то нестыковка.

Почему он остановился и ушел прочь?..

Не успела я обдумать эту мысль, как дождь замер возле какой-то огромной напольной чаши с несколькими уровнями, напоминающей фонтан. И бросил через плечо:

– Хорошо, женщина. Ты меня заинтересовала. Я принимаю тебя.

Я не могла видеть, что он делает, но все внутри сжалось. Пришло четкое понимание того, что это плохо. И вот-вот произойдет нечто непоправимое.

– Только запомни, что это первый и последний раз, когда ты перечислишь мне, – добавил он, резко разворачиваясь. В его руке оказался кубок, наполненный красноватой жидкостью, напоминающей вино.

Я даже хотела было попытаться расслабиться. В конце концов, что плохого в том, чтобы выпить простого вина?

Но едва я подумала об этом, как дождь достал из-за пояса за спиной тонкий острый кинжал и разрезал собственное запястье. Перехватил кубок, и багровая кровь полилась в бокал.

Несколько мгновений, и он провел над получившимся напитком ладонью, и пугающе-красная жидкость вспыхнула огнем.

– Пей, – приказал он тут же, протянув мне страшный бокал, искрящийся по краям чистым золотом.

Черные волосы дождя разметались по широким плечам, раненая рука опустилась вниз, и мужчина будто бы и не замечал, как на пол с нее льется кровь. Он глядел только на меня. И рубиновые глаза казались мрачными и опасными.

– Что это? – попыталась спросить я без особой надежды на успех.

Но неожиданно ответ все же раздался:

– Это вино огненной крови. Оно привяжет тебя ко мне на месяц. Ты не сможешь убежать от меня, не сможешь не подчиниться. Будешь...

– ...твоей полной собственностью, – выдохнула я с ужасом.

– «Вашей» полной собственностью, – поправил он, и рубиновые глаза полыхнули настоящим пламенем. Всего на миг, но мне хватило, чтобы отшатнуться и слегка удариться головой о стену позади. – Пей.

– Не буду, – пробормотала я, пытаясь оттолкнуть бокал.

Нужно было найти выход из положения, и быстро. Вот только как? Что делать?

Нечто подсказывало мне, что если я переверну бокал, то вряд ли дож обрадуется. Налить заново в кубок свою кровь ему не составит труда, а вот то, что я заставлю его это сделать, его явно разозлит.

У меня не оставалось времени.

Глаза дождя снова вспыхнули. Огонь вырывался за черту век и на этот раз не исчезал.

Я покрылась ледяными мурашками.

– Ты помнишь, что уже был тот последний раз, когда ты мне перечила? – приподнял бровь дож, и в голосе его зазвенел металл.

– Пом... – машинально ответила я, и едва мой рот открылся, как мужчина одной рукой обхватил мой затылок, а другой прижал кубок к губам и перевернул.

Я вскрикнула, и тут же горячая жидкость пролилась в горло.

Хотелось закашляться. Я думала, это будет противно, отвратительно. Но напиток по вкусу напоминал ежевичное вино с корицей.

Не помню, как весь бокал опустел. Я подняла взгляд на Красного дождя, и все внутри сжалось. И прежде было трудно смотреть в его глаза, сейчас же вовсе все ощущения словно обострились. Как будто с глаз сняли невидимую пленку, и теперь я видела этого мужчину иначе.

Он горел изнутри. Его татуировка шевелилась, огненный дракон на плече открывал пасть и изрыгал пламя, поглядывая на меня горящим рубиново-черным глазом. Кожа мужчины искрилась, а черные волосы будто бы постоянно находились в движении.

В довесок ко всему за мощной широкой спиной вдруг раскрылись огромные черные крылья, пронизанные рубиновыми, сиреневыми и огненными прожилками. А редкий оттенок глаз начал напоминать кровавый.

– Кто ты такой? – выдохнула я, не в силах скрыть восхищение, настолько прекрасен был этот мужчина.

Он не изменился... он такой и был. Я поняла это мгновенно, стоило раз моргнуть.

Красный дож улыбнулся. Кажется, впервые с тех пор, как я вошла в этот зал. Отбросил кубок и коснулся ладонью моей щеки.

По спине прокатились колющие мурашки. До боли.

Захотелось потереться о его ладонь, насколько это было приятно. Но я сдержалась. Вот еще – тереться об этого грубияна. Какой бы красивый он ни был...

– Скоро узнаешь, – ответил дож, скользнув пальцем по моим губам, отчего у меня едва ноги не подкосились.

Внизу живота скрутился напряженный узел.

А потом он меня поцеловал. Так стремительно и властно, что под ребрами вспыхнуло, будто меня разом забросили в печь крематория.

Узел внизу живота разорвался с напряженной сладкой пульсацией, с ураганскими волнами, бьющими в каждый нерв. И я упала в обморок от самого потрясающего удовольствия, которое когда-либо испытывала.

Глава 3. Цвет: темно-карминный

В общем, все происходящее было одинаково похоже на страшный сон и на наказание за мои грехи. За то, что в свое время не слушалась маму, дерзила соседским бабулям у подъезда, не занималась благотворительностью и в целом человеком была не самым мягким в общении. Как я поняла уже позже, после пробуждения, легаты привели меня к своему хозяину и закинули словно мешок с картошкой в огромный зал, где многоуважаемый дож словно только меня и дожидался.

Он тут был кем-то вроде местного правителя, насколько мне стало ясно из путанных разговоров стражи, легатов и служанок. Спорить с повелителем – та еще глупость, но с ушибленной головой еще и не того натворишь.

После знаменательного распития вина с дожем, который, на мою беду, оказался не только порядочным засранцем, но еще и самым потрясающим мужчиной, которых только могла создать природа, я очнулась в какой-то комнате, подозрительно напоминающей будуар принцессы. Признаться, после этого ненавидеть огненноглазого повелителя хотелось чуточку меньше. Клянусь, апартаменты напоминали номер какого-нибудь фешенебельного отеля в Дубае, который мне доводилось видеть только в журналах.

Да после интервью со свежепойманным маньяком моя карьера должна была пойти вверх, и, может быть, мне даже стало бы хватать на нормальный отдых, но, увы, не сложилось. В любом случае, надеюсь, Эдуард Церр в том ужасном взрыве наконец склеил лапы, правосудие восторжествовало и все такое. И пусть это будет единственной наградой за мою шикарно проделанную работу.

Эх! Я-то думала, что буду проводить этот вечер за бокалом вина, празднуя окончание самого удачного дня в своей жизни, а в результате сижу... бог знает где.

Впрочем, думать, конечно, можно все что угодно. А человек, как известно, не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день. Хорошо хоть, по мою душу Аннушка масло не проливала, и на том спасибо.

Решив не ждать у моря погоды, то бишь пока в мою потрясающую комнату нагрянет судьба, Красный дож или прочая пакость, я подкралась к высокой двери, украшенной золотой лепниной, и тихонько приложила ухо. Нужно было бежать отсюда, да поскорее. С утра у меня во рту не было маковой росинки, одно только вино дожа, от которого стыдно вспомнить, что случилось.

В общем, как ни странно, ухо я приложила не зря. За дверью слышались негромкие мужские голоса, да еще и те самые, которые мне явились в первые минуты моего пробуждения в этом странном мире, чем бы он ни был.

– Эта девка должна быть огненной, прекрати нервничать. Вот, гляди, вот в эти покои ее велел поселить Великий дож. А значит, моя идея выгорела. Мне шестьдесят процентов.

– Ага, держи крылья шире. А что, если мы все же ошиблись? Платиновые шакры затолкают в твое мертвое, сжатое спазмом горло, не сомневайся.

Разговор был странным... Я уже отбросила мысль о том, что все вокруг – плод моего воображения. Не может быть сумасшествие или приступ шизофрении таким длительным. А я ведь уже и поспать тут успела!

В общем, приходилось нехотя признать, что все происходящее – фантасмагоричная, невозможная, дикая и чудовищная, но реальность.

А мужские голоса, в которых я опознала двух легатов красного дожа, тем временем продолжали говорить:

– С чего бы нам ошибиться? – проговорил первый, явно остановившись недалеко от моей двери. Звуки шагов пропали. – Она остановила удар моей магии.

– Да ничего она не остановила! Шар, небось, сам погас, а эта трусиха вырубилась. Вот и все. А нам отвечать за обман Великого дожа, едва это выйдет наружу!

Раздался глухой звук удара, словно кто-то стукнул по стене.

– Я думаю, что мы должны поправить ошибку, Кессер, – неторопливо произнес второй.

Снова пауза, в течение которой нехорошее предчувствие стало подкрадываться ко мне в душу.

– На что ты намекаешь? – спросил первый, и его голос стал еще громче прежнего. Теперь казалось, что он стоит прямо возле двери с другой стороны. Между нами будто бы не больше полушага, разделенных тонким слоем дерева.

– На то, что неплохо бы подчистить за собой, Кес, – медленно и тише сказал второй. – Сейчас ночь. Ты же понимаешь, что я имею в виду. Никто и не узнает, как получилось, что новая аурия Красного дожа умерла во сне.

Снова тишина, от которой меня уже начинает потряхивать. Я посматриваю на ручку двери, пытаюсь отыскать замок и удостовериться, что он прочно закрыт. Должны же тут опасаться моего побега?

Должны?

Или нет?!

Замка я не обнаружила, как и отверстия для него.

– А деньги? – неуверенно спросил первый.

Похоже, идея убийства его нисколько не волновала. А вот нажива – еще как. Только мне-то что с того?

Думай, перманентная голова, думай!

Я начала впадать в панику.

– Деньги останутся у нас, – продолжал второй уже так тихо, что вряд ли кто-то мог услышать его, кроме неудачницы, застывшей за дверью, как примороженная. – Никто же не узнает причины случившегося. Аурия мирно уснет и не проснется. Всего-то делов.

– Зашибись... – пробормотала я одними губами. Трясущимися.

– Думай быстрее, Кес. А впрочем, я вижу, что ты умный мужик и все сам понимаешь. Лучше отрубить чужую голову, чем рисковать своей, не так ли?

Раздался тонкий скрип, словно кто-то повернул ручку моей двери.

– Наверное, ты прав...

Я обмерла, покрывшись с ног до головы холодным потом.

– Не волнуйся, грязную работу я, так и быть, возьму на себя. А деньги поделим пятьдесят на пятьдесят.

– Идет, – вздохнув, окончательно сдался сребролюбивый Кес.

И дверь открылась полностью, плеснув в мои дивные покои апельсиново-желтый свет из коридора дворца Красного дожа.

Меня пришли убивать.

У меня больше не было времени на раздумья, поэтому я схватила первый попавшийся под руку предмет и со всей силы опустила его на голову тому, кто появился на пороге моей комнаты.

Предметом оказалась тяжеленная напольная ваза, которую мне удалось поднять на диво легко. А незваным гостем, судя по всему, первый из легатов.

– Кес! – крикнул второй, быстро сориентировавшись и шагнул назад.

Кес уже валялся на полу, и вокруг его головы растекалось пугающее пятно. Такое же красное, как плащ в форме языка пламени за его спиной.

У меня затряслись руки. С оставшимся легатом мы скрестили взгляды, словно шпаги, и в том, что был направлен на меня, не читалось ничего хорошего.

Легат потянулся к поясу, на котором было прикреплено аж два кинжала – один длиннее другого. Одновременно с тем мужчина бросил быстрый взгляд в конец коридора, видимо удостоверясь, что никто не увидит того, что должно вот-вот произойти.

– Деньги! – выкрикнула я, отступая назад, едва до моего нападающего дошло, что убивать лучше в приватной обстановке женских покоев, а не на всеобщем обозрении, и он резко зашел в помещение за мной.

Дверь за его спиной начала медленно закрываться, будто отрезая нас от остального замка.

– Что? – спросил он, приподняв бровь.

Кинжал в его руке блеснул холодным светом.

– Деньги, – повторила я уже тише, замечая, что глаза легата блестят почти так же, как его оружие.

Я помнила, что из двоих мужчин именно этот проявил наибольший интерес к деньгам. Стоило хотя бы попробовать этим воспользоваться.

– Я новая аурия Красного дожа, – проговорила уверенно, повторяя слова самих легатов и понятия не имея, что это значит. – Я буду хорошо платить тебе, если ты будешь мне служить, а не пытаться убить.

Легат замер как вкопанный. Холодный блеск его глаз сменился каким-то другим. Он чуть склонил голову набок, оглядывая меня, и неуверенно проговорил:

– Ты слышала, что мы пытались убить тебя. И теперь хочешь меня нанять? Думаешь, я поверю, что ты не сдашь меня провектору за предательство и измену?

– Не сдам, – напряженно проговорила я, не отводя взгляда от холодных глаз легата, вспоминая также, как его конь сегодня утром жевал мои волосы.

Неприятная личность с ног до головы. Но я должна была его убедить. А еще он мог оказаться мне полезен.

Но об этом я подумаю уже потом, когда самообладание начнет потихоньку возвращаться, а не сейчас, когда все внутри натянулось как струна перед тем, как лопнуть.

– Я чужая здесь, мне нужен свой человек, – добавила, почти не сбившись на испуганное заикание. – Им можешь быть ты. Я щедро заплачу.

Легат начал ухмыляться, кинжал в его ладони уже лежал не так крепко.

– А с чего ты взяла, что дож выделит тебя среди остальных? Что у тебя будет достаточно шакров, чтобы оплатить мою преданность, девчонка?

Да, теперь я была абсолютно уверена, что преданность этого легата сможет купить любой, у кого окажется больше денег. И даже если моя затея удастся, этот тип предаст меня при первом же удобном случае.

Но пока все шло прекрасно уже хотя бы потому, что я осталась жива.

– Зови меня Александра, – ответила я твердо. – Как твое имя?

Легат чуть стиснул зубы, но ответил:

– Эурон Антори Селестиан.

Похоже, он не планировал переходить к знакомству. Ведь такой диалог уже почти означает, что мы договорились.

– Что за странное имя – Александра? – проговорил он тут же, чуть прищурившись и оглядывая меня с возросшим интересом. – Ты не из нашей империи?

Вопрос с подвохом. Можно было бы ответить прямо, но что-то останавливало. Может быть, тот самый металлический блеск в глазах легата, а может, тот факт, что кинжал мужчины вдруг сжал чуть сильнее. Едва заметно.

– Из нашей, – ответила я, с трудом заставив себя не использовать слова «из вашей». – Мама любила необычные имена...

В горле пересохло.

Легат снова оглядел меня с головы до ног, расслабился. Кинжал скользнул в ножны, а я глубоко вздохнула. Словно с плеч камень упал. Надгробный.

– Хорошо, Алек-сандра, – протянул Эурон, не без труда произнося мое имя. – Завтра в полночь жди меня у себя в покоях. С полусотней золотых шакров.

– С полусотней? – переспросила я, легко угадывая, что это большая сумма. Рот легата растянулся в ухмылке.

– Посмотрим, сможешь ли ты оплатить мои услуги, девочка. Если нет – то мне не стоит и рисковать.

– Но я только-только... стала аурией, – вспомнила я диковинное слово. – Как я раздобуду такие деньги за сутки?

Легат снова усмехнулся. Красный плащ в форме языка пламени покачнулся за его спиной.

– Ты постарайся. А я таким образом убежусь, что не зря инвестировал в твою жизнь.

Я стиснула зубы. С наглостью этого типа могла поспорить только его жадность. Или циничность.

– Хорошо, – бросила мрачно, решив, что с деньгами сумею разобраться чуть позднее. Может быть. А если нет, то в любом случае я уже выиграла дополнительные сутки жизни у того злого рока, что отправил меня в это жуткое место. – Только заberi с собой вот это. И разберись с ним.

Я скрестила руки на груди и неожиданно даже для себя самой пнула ногой тело второго легата. А ведь я даже не удосужилась проверить, жив он или нет!

Спасая собственную шкуру, я как-то забыла поволноваться об убийце.

Легат Эурон приподнял бровь, видимо раздумывая, как отнестись к моим словам.

– Приказываешь мне, девчонка? – нахмурился он.

Пора было проявить волю. Но была ли она у меня?

Я была на девяносто восемь процентов домашней и скромной женщиной, перманентом кланусь. Но ох уж эти оставшиеся два процента!

Похоже, я о себе чего-то не знала. Ноги сами понесли вперед к застывшему на пороге мужчине, возле которого я замерла и проговорила, глядя в его алчные блестящие глазки:

– Если ты планируешь получать от меня деньги, легат Эурон, хорошие деньги, ты будешь мне служить. Тебе выгоднее согласиться, разве нет?

Честно говоря, рядом с человеком, который мог убить меня одним движением руки, я чувствовала себя ужасно. Я, конечно, блефовала и шла на огромный риск. Но это было не впервой, когда мне, репортеру и журналистке, приходилось выкручиваться из щекотливой и даже опасной ситуации. Тот же Эдуард Церр был тому ярким примером.

Легат смотрел на меня несколько мгновений не мигая. А затем вдруг ухмыльнулся и... склонил голову!

– Честь имею, аурия Александра, – отчеканил он, одновременно с тем его пятки ударились друг о друга, раздался громкий звук. Оказалось, что сапоги легата Эурана подбиты металлом.

После чего мужчина резко развернулся и наконец-то покинул мою комнату, предварительно закинув себе на плечо тело товарища.

Я почти сразу же подскочила к двери, чтобы убедиться в своем долгожданном одиночестве. Легат и вправду ушел, а в коридоре будто бы больше никого не было. Только красное пятно на полу напоминало о случившемся.

Несколько мгновений ничего не происходило, и я уже начала искать тряпку, чтобы затереть кровь. Как раз тут у меня появилось немного свободного времени, чтобы в желтоватом свете, льющемся из коридора, обнаружить, что на мне давно нет привычной одежды и сейчас

я обряжена в какую-то забавную тряпочку, напоминающую пеньюар с твердым лифом и длинными лентами кружев на юбке и рукавах.

Меня это настолько обескуражило, что я вслух выдохнула:

– Это что еще такое?..

И как я могла не заметить этого раньше?..

– Это общепринятая одежда аурии, – неожиданно раздался ответ из-за приоткрытой двери.

«Какого лысого ежа я ее не закрыла?» – мелькнуло в голове нервное. Эдак ко мне будет соваться кто ни попадя.

На этот раз «кем ни попадя» оказался высокий и довольно худой парень лет двадцати пяти на вид. И на нем тоже был надет весьма специфический наряд вроде ливреи, только из очень мягкой и тонкой ткани.

Как мой пеньюар.

Я прищурилась, пытаюсь понять, что меня в этом всем смущает, как парень сказал, не торопясь приближаться к двери и вламываться:

– Да, ты правильно поняла. Я тоже раб, как и ты. – Он поднял руку и постучал по тонкому серебряному ошейнику у себя на шее, а затем кивнул в мою сторону. Я в ужасе вскинула руку к горлу и обнаружила, что его стягивает нечто на ощупь точно такое же тонкое.

Какого?.. На мне ошейник!

Я попыталась вздохнуть поглубже и абстрагироваться от этой возмутительной новости.

– Меня тоже привезли сегодня. Мне не спится. Мягко говоря...

Я подняла взгляд на его узкое лицо с выступающими скулами и острой линией челюсти и вздрогнула. Взгляд незнакомого парня оказался жестким, резким. Впрочем, это впечатление быстро ушло, едва он моргнул.

Видимо, в каждом встречном незнакомце я уже готова была видеть врага. Меж тем парень отвернулся и посмотрел в стену.

– Говорят, это очень красивый замок. Впрочем, меня его красота ни капли не трогает, а тебя?

Я снова подошла поближе к выходу и прислонилась к дверному косяку, пытаюсь получше разглядеть собрата по несчастью. Он казался ужасно странным, но для меня все здесь создавало именно такое впечатление.

– Как-то не успела насладиться произведенным впечатлением, – ответила негромко.

Парень снова посмотрел на меня, и я обратила внимание, что у него абсолютно черные непроглядные глаза.

– У тебя кровь на полу, – сказал он так спокойно, словно кофе предлагал мне налить.

А я бы, кстати, не отказалась!

Под дурацким пеньюаром пробежал табун мурашек.

– Ага, – кивнула я, лихорадочно размышляя, может ли этот парень меня выдать. Мы с ним были примерно одного возраста и, похоже, оказались в одном прискорбном положении, попав этот дворец. Но я могла лишь гадать, друг он мне или враг. – У меня тут кровь из носа пошла. Вот... натекло.

Парень чуть склонил голову набок, а потом мы оба посмотрели на кровавое пятно на полу. Пятно размером с маленького бегемота.

Секунды следовали друг за другом, как шеренга солдат. Затем парень снова посмотрел на меня, тряхнув короткой копной черных волос. Его ночные глаза не выражали ровным счетом ничего. словно ему было наплевать, лгу я или говорю абсурдную правду.

– Хорошо, что ты не сказала легату о том, что не местная. Скорее всего, Селестиан все же принял бы решение тебя убить.

В голове покрутилось: «Селестиан? Кто такой Селестиан?»

А потом всплыло: «Легат Эурон Антори Селестиан». Так и звали моего серебролюбивого несостоявшегося убийцу.

Получалось, что этот парень видел все, что произошло несколько минут назад. Но как? Где он прятался, что даже сам легат его не заметил?

Узнать это мне было не суждено, а обдумать эту мысль я не успела, потому что меня заботило другое:

– Почему? – выдохнула на одном дыхании. – Почему я не должна была говорить легату, что не местная?

– Потому что уроженки соседних империй, как правило, если и обладают магией, то уж никак не огненной, – спокойно ответил парень. – А ты попала в аурии Красного дожа именно потому, что в тебе заподозрили огненную магичку. Только носительницы редкого огненного дара могут стать наложницами дожа. Остальные маги его не интересуют. А это означает, что легаты зря привели тебя и зря получили свою плату.

– Но... – дара речи я все-таки лишилась.

– А раз они зря получили свою плату, то будут наказаны так или иначе, – продолжал парень. – Даже твой хитрый ход с подкупом не сработал бы. Селестиан тебя убил бы.

Снова холодно, снова колючий страх щиплет кожу...

– Но я не... – «не магичка» хотела сказать, обняв себя руками. Но быстро подняла взгляд к парню и промолчала.

Стоит ли ему доверять? Или он тоже в первый удобный момент сдаст меня кому положено?

– Ты разрешишь мне войти? – спросил тогда парень, не акцентируя внимания на моем странном оборванном ответе. Ему словно вообще все это было неинтересно. Он снова взглянул на стену в коридоре, и его черные глаза медленно заскользили по золоченой лепнине.

Я обратила внимание, что под тонкой рубашкой ливреи виднелись некрупные, но тугие мускулы, широкие плечи и мощная грудная клетка. Парень имел хорошее спортивное сложение, сильные ноги, а его ладони заканчивались длинными изящными пальцами, которые могли бы прекрасно играть на каком-нибудь инструменте.

– Меня зовут Ал, – сказал он снова с ноткой безразличия. Словно если я не отвечу, то он ничего не потеряет.

Как ни странно, это успокоило.

– Заходи, – бросила я и отстранилась от двери, освободив проход.

В конце концов, мне нужна была информация об этом месте... об этом мире. А от кого еще получить ее, как не от того, кто находится со мной в похожем положении? Не у Красного же дожа спрашивать обо всем?

Стоило вспомнить местного правителя, как внутри все запылало. В желудке стало горячо, словно я выпила тот странный напиток буквально только что.

Я встряхнула головой, выбрасывая из нее мысли о самом красивом мужчине в своей жизни.

– Расскажешь мне о том, куда я попала? – начала с ходу. – Похоже, ты хорошо знаешь это место?

Дверь за спиной глухо хлопнула, заставляя меня слегка понервничать. Я снова оказалась в замкнутом помещении с незнакомым мужчиной. Резко обернулась и поймала черный острый взгляд.

Ал тут же отвернулся.

– Знаю, – ответил он и, не особенно задумываясь, словно у себя дома, упал в глубокое бархатное кресло, раскинув руки по подлокотникам. – И расскажу. Мне несложно. Ночь длинная...

Я тем временем украдкой рассматривала узкое и немного резкое лицо своего нового знакомого. У него были довольно привлекательные черты, чуть раскосые глубокие глаза, в которых отдаленно проглядывало что-то восточное. Впрочем, тут все было не так, и обычным аналогиям и сравнениям уже не было места.

– Ты в главной столичной резиденции Красного дождя, во дворце Хальвейль. Попала ты сюда по той же причине, что и я. Совершенно случайно или по доносу – неважно, но у нас обоих была обнаружена огненная магия. Ты, как женщина с редким даром, была поймана и продана в качестве аурии дождю, а я, как неплохой колдун, в качестве дворцового сервуса.

– Сервуса?

– Раба, – бросил мужчина резкое слово одновременно с таким же взглядом.

Под желудком неприятно шевельнулось.

– А тебя это словно и не беспокоит вовсе, – нахмурилась я, пытаясь понять, почему он настолько безразличен к происходящему. – У тебя нет семьи или дома, куда теперь не вернуться?

Мужчина пожал плечами.

– Нет.

Слово прозвучало холодно и как-то пусто. А мне стало даже немного жаль парня. Конечно, куда рваться, если у тебя никого нет?..

Да и вообще в приличном обществе не принято лезть в душу человеку, особенно с такими личными вопросами. Я поежилась и попыталась засунуть свои вопросы поглубже туда, откуда они старательно пытались вылезти.

– А у тебя? – вдруг спросил мой гость, снова направив на меня острый черный взгляд.

Снова поежилась, но теперь по другой причине. Теперь в душу лезли ко мне.

– Есть. Но очень далеко. Настолько, что я даже не уверена, что когда-нибудь смогу добраться дотуда, – ответила неожиданно даже для себя самой.

И на душе стало легче.

– Тогда тебе лучше обустроиться здесь, – продолжал мужчина. – Особенно учитывая, какое обещание ты дала легату Селестиану.

– Почему ты зовешь его Селестианом, а не Эуроном?

Логичнее же звать первым именем, думалось мне. Оказалось, что о нравах, порядках и этикете этого места мне не было известно ровным счетом ничего, а догадаться с ходу не удавалось.

– Потому что Эурон – это имя, которое допускается произносить только ближнему кругу, – ответил Ал, и мне показалось, что его цепкие глаза стали еще внимательнее. Словно он пытался понять, какого лешего я не знаю таких простых истин!

Меня бросило в жар, и я отвернулась, хотя в темноте краска на лице не должна быть столь очевидной.

Взгляд невольно упал на окно. А там сквозь длинные темно-синие шторы, падающие волной от высокого потолка до самого пола, виднелась невероятная огненная луна. Она была примерно такого же размера, как обычно, только цвет ее напоминал жидкое золото, что едва заметно полыхает вдали...

В этот момент ко мне впервые пришло четкое осознание простого факта: я оказалась в другом мире. Может, в какой-то параллельной вселенной или... так выглядит посмертие. В любом случае это была совершенно новая, неизвестная мне реальность.

– Второе имя используется лишь для официальных документов и церемоний, – продолжал Ал, не замечая, насколько я на самом деле поражена увиденным. – Оно является редким и служит идентификацией персоны. Оно почти никогда не повторяется, в отличие от остальных имен. Но звать по этому имени также запрещено.

Я кивнула, стараясь запомнить все услышанное.

– А вот третье имя как раз является чаще всего используемым для общения лиц, которые друг для друга не входят в ближний круг.

Я снова кивнула, прикидывая, какое же у меня будет здесь полное имя. Одной Александры явно не хватит.

– А как зовут Красного дожа? – спросила я тогда.

Показалось, что черные глаза сверкнули в темноте.

– Ты и этого не знаешь? – удивился он.

Немудрено.

А я снова почувствовала себя ходящей по минному полю.

– Я много чего не знаю, – вздохнула, не в силах придумать хоть сколько-нибудь правдоподобную ложь. – Считаю, что у меня отшибло память... при некоторых не самых приятных обстоятельствах.

Частично так оно и было. Впасть бы в депрессию от всего случившегося, да некогда.

Ал кивнул, словно принял мое объяснение.

– Официально дожа именуют Сициан Алатус Райя-нор из геноса Огненной луны, – ответил он, закинув руки за голову и протянув ноги. Совсем расслабился тут у меня! Хотя... пусть хоть спать ложится, если прежде побольше расскажет. – Коротко для нас, сервусов, и вообще всех, кто обращается к повелителю, нужно говорить «Сияй, Райя-нор», а затем кланяться, прижимая кулак к сердцу.

– Ну надо же, – не смогла сдержать фырканья я.

Ал метнул в меня стрелу своего взгляда, и мне даже показалось, что он меня не одобряет. Впрочем, он так ничего и не сказал.

– Спасибо за разъяснения, – проговорила я тогда, торопясь узнать что-нибудь еще. Может быть, даже самое главное. – А избавиться от статуса раба, ой, то есть сервуса и аурии можно?

Нужно же было понять, что делать дальше!

По крайней мере, мне глубоко претила роль, которую я вынуждена тут исполнять. Аурия, судя по всему, та же рабыня, только личная. Для сексуальных утех или что-то в этом роде.

Я на такое не подписывалась, но что-то подсказывало: избавиться от навязанной роли будет не так-то просто, если вообще возможно.

Я снова взглянула в огромное, на полстены, окно, за которым горела огненная луна. Задумчиво подошла ближе, как раз в это время на улице зачастил дождь. Оказалось, что мои покои находятся на огромной высоте, пробежать этим путем не удастся.

– Про дожа говорят, что он настоящее чудовище, – неторопливо проговорил Ал, и я чувствовала, как его взгляд буравит мне спину. – Думаю, если ты попытаешься пробежать, расплата будет ужасной.

Я резко посмотрела на него, пытаюсь понять, что за мысли блуждают в его голове. Но в полумраке было невозможно четко разобрать черты лица.

– Ты предупреждаешь или радуешься этому факту? Никак не могу понять по твоему тону, – вырвалось у меня недовольное.

Мужчина пожал плечами и отвернулся.

– Я предпочитаю не лезть на рожон. Мне дорога шкура. Говорят, Красный дождь даже бывшую жену казнил, уж что говорить о простых рабах.

По спине словно проскакала четверка всадников апокалипсиса, оставив после себя ледяные хлопья ужаса.

Действительно, если уж он жену казнил...

– Его боятся не только у нас, – продолжал Ал, и, только взглянув на него, я поняла, что он отслеживает мою реакцию на эти новости. – Правители соседних государств спят и видят, чтобы уничтожить его и сожрать Священную империю Огненной луны.

– Какой кошмар... – невольно выдохнула я. – Это уже слишком много для меня за один день.

– Ты сама просила рассказать, – снова отвернулся Ал и резко встал с кресла. И не успела я поблагодарить его, как он спросил: – Поведай тогда что-нибудь о себе, Александра.

И так странно он произнес мое имя, что я вздрогнула. Непривычно. Все здесь было непривычно.

– Откуда ты...

– Слышал твой разговор с легатом Селестианом, – отрезал Ал, сцепив руки за спиной, а затем медленно начал обходить периметр моей комнаты, разглядывая все вокруг. Наверное, никогда не был в покоях аурии. Что ж, это логично, учитывая, что его тоже только сегодня доставили во дворец. – Например, начни с того, какое у тебя полное имя.

– Полное... – задумалась я, пытаясь экстренно придумать что-то. Судя по услышанному, «Александра» должно стать третьей частью моего имени. Но какие остальные? Что выбрать?

Амелия, Лилиана, Лариана, Валерия, Милана, Елена, Мартелла, Эленика, Иллиана, Матильда, Фиана, Селина, Эвиса...

Выдумать или взять существующее?

– Мое полное имя Александра Колдунова, – ответила твердо, решив, что если местным хочется, то они могут придумать мне третье имя сами. Я им облегчать задачу не буду. – Друзья зовут меня колдуньей, так и быть, ты тоже можешь.

– Записываешь меня в ближний круг? Вот так просто? – приподнял бровь он, и на его лице отразилось истинное изумление, однако губы дрогнули. Он явно хотел улыбнуться.

И вот сейчас впервые за весь наш с ним разговор я почувствовала облегчение. Словно этот незнакомый мужчина стал чуть менее закрытым и холодным, чем был прежде. А раз так, то бог с ним, пусть будет в моем личном круге, что бы это ни значило в глубоком смысле.

– Да, – кивнула и постаралась улыбнуться как можно более доброжелательно. Нужны же мне в этом замке друзья, правда? Так и быть, пусть первым станет этот мой странный собрат по неудаче.

Черная бровь Ала еще несколько мгновений находилась в изломанном состоянии, и лишь затем он кивнул, чуть нахмурившись и задумавшись.

– А какое у тебя полное имя? – спросила я тогда, пытаясь понять, о чем он думает, но снова бесполезно. Черные глаза метнули в меня два острых кинжала взгляда.

– Просто Ал. Я был рожден рабом. У меня нет другого имени.

Меня опять слегка пробрало от холода в его голосе, но я начала догадываться, что это у него просто такая необычная манера разговаривать. В конце концов, почему бы и нет? Отсутствие свободы с самого рождения вряд ли прибавляет жизнерадостности.

– Тебе лучше лечь спать, колдунья, – проговорил он вдруг, и на этот раз его голос звучал значительно мягче. Даже вот это неожиданное обращение, на которое я сама его подтолкнула, мне понравилось. Оно прозвучало приятно и легко. – Завтра твой первый день в этом замке, и он... вряд ли будет легким.

После этого он вдруг развернулся и пошел к двери.

– Эй, ты куда?! – ахнула я, ошеломленная такой резкой сменой поведения.

Мужчина замер в дверях комнаты, бросил на меня короткий и неизменно острый взгляд через плечо и проговорил:

– Мы еще увидимся.

И ушел.

Когда я подбежала к двери и заглянула в коридор, его уже не было. Нигде.

– Чертовы фокусники, – буркнула себе под нос и хлопнула дверью, оставшись наконец-то наедине с собой.

В этот момент я была настолько перевозбуждена и возмущена происходящим, что не готова была послушаться его совета и просто лечь спать. Я хотела действовать!

К сожалению, случилось это все потому, что я еще не знала, насколько Ал окажется прав...

В общем, спустя какой-нибудь десяток минут, который мне понадобился, чтобы взять себя в руки и справиться со стрессом, я осторожно приоткрыла дверь своих покоев и выскользнула в коридор.

Неужели кто-то думал здесь, что если меня не запереть, то я буду послушно сидеть на постельке и ждать, пока кому-нибудь не заблагорассудится навестить мою скромную персону? Напрасно это они, я вам скажу!

Тем более что в коридоре никого не было. На каменном полу оказался расстелен ярко-красный тонкий ковер, что казался бесконечным. В свете редких фонарей, напоминающих металлические руки, внутри которых горит огонь, тканая дорожка казалась кровавой.

Я осторожно ступала по ней голыми ступнями, боясь, что в любой момент какая-нибудь из многочисленных дверей по обеим сторонам коридора откроется и оттуда выйдет очередное приключение на мою пятую точку.

Но время шло, а никто не появлялся. Тут даже стражи не было! А ведь мне всегда представлялось, что в таких огромных замках должно быть полным-полно народу! Но либо в чем-то я ошиблась, либо под светом местной огненной луны все крепко спали.

Я шла все дальше и дальше и в какой-то момент поняла, что меня будто влечет что-то. Это было очень странное чувство, и, если на нем не концентрироваться, его и вовсе можно было не заметить. Однако в пустом каменном коридоре, наполненном лишь пляской теней на стенах, концентрироваться особенно было не на чем. И я почувствовала «это». Нечто странное, влекущее. Как ниточка, которая протянулась откуда-то из моего солнечного сплетения в неизвестном направлении.

И вот я уже сворачиваю направо, неясным путем выбрав направление, поднимаюсь на пару ступеней и останавливаюсь у огромных золотых дверей, возле которых, как и прежде, никого нет.

А двери меж тем не заперты. Между ними тонкая щель, сквозь которую можно подглядеть, что происходит внутри.

Сердце в груди делает несколько громких выламывающих ударов и на миг останавливается. Кончики пальцев холодеют, а в висках, напротив, становится дико горячо.

Я наклоняюсь и заглядываю сквозь щель, и тут же все внутри переворачивается.

Зачем я это сделала? Ну вот зачем?..

И что за проклятая сила привела меня именно сюда, если я планировала найти выход из замка?..

Передо мной расстелились широченные, поистине королевские покои, освещенные странными напольными жаровнями. Они протягивались вверх на тонких золоченых подсвечниках, оканчивающихся чем-то наподобие пиал. И уже прямо на них плясало живое пламя. Безо всякого воска или масла.

Однако пламя на них сейчас казалось слабым и приглушенным, все помещение застилал приятный уютный полумрак. Я почти не замечала ничего вокруг, лишь взгляд сам периодически выхватывал какие-то детали обстановки: огромное зеркало в витиеватой оправе, темные бархатные пуфики и высокие кожаные кресла, напоминающие троны, диковинные статуэтки в виде драконов, крылатых людей и шипастых лошадей, усыпанное драгоценными камнями оружие, развешанное по стенам. Но ни на чем из этих красот я не могла сконцентрироваться, потому что все внимание упало на огромную кровать с темным, словно ночное небо, балдахин. И на мужчину, что, раскинув руки, спал на черных, как обсидиан, простынях.

Сердце остановилось.

Я должна была развернуться и убежать, собственно, как и планировала изначально. Но я не могла. Ноги будто приросли к полу, во рту пересохло, жар прилил к щекам.

Это было ненормально, нездорово. Это было...

...приятно.

Правда, едва до меня дошел этот факт, как вспышка раздражения по его поводу немного остудила голову. И в нее тут же молнией влетело осознание: тот напиток, которым меня напоил вот этот самый мужчина, был, похоже, не так прост.

В памяти вспыхнул чуть хриплый, бархатный голос Красного дожа:

«Это вино огненной крови. Оно привяжет тебя ко мне на месяц. Ты не сможешь убежать от меня, не сможешь не подчиниться...»

Стало зябко. А может, это внутренняя дрожь рвалась наружу, окончательно демонстрируя мне факт того, что мое тело отказывается подчиняться.

Чтобы чуточку успокоиться, я глубоко вздохнула, закрыла глаза и зарылась пальцами в растрепанных прядях.

Говорят, состригаешь волосы – состригаешь проблемы. В моем случае, похоже, надо бриться налысо.

– Сейчас, сейчас, Сашенька, – прошептала я себе под нос, – ты отступишь назад, подвинешь одну ножку, затем другую и в конце концов уберешься отсюда к драконовой бабушке...

Когда я открыла глаза, оказалось, что я уже на три шага проникла внутрь покоев Красного дожа.

– Да какого... корня травянистого растения семейства капустные тут происходит?! – прошипела я и стукнула себя по губам.

Дож во сне перевернулся на бок. В свете огненных жаровен на его руках и обнаженной спине бугрились округлые мышцы.

Воздух на миг вышибло из груди, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы восстановить дыхание. Я все еще надеялась, что смогу уйти.

Наивная.

Но через пару мгновений у меня, по крайней мере, появился повод оправдать собственное поведение. На шикарном прикроватном столике, украшенном резьбой и крупными лиловыми и розовыми камнями, напоминающими глаза, блеснуло что-то.

Я прищурилась, и под ребрами что-то подозрительно шевельнулось. Будто предчувствие. А учитывая, что в этом мире моя чувствительность странным образом увеличилась, я стала прислушиваться к ней.

На столике лежал крупный камень в золотой оплетке на цепочке. Я никогда не видела таких огромных драгоценностей, к тому же не припомню, чтобы минералы светились изнутри, разве что в них была вставлена лампочка.

Но что-то подсказывало мне, что никакой лампочки тут нет. И, подойдя поближе, я в этом убедилась.

Кроме того, как ни странно, кристалл в золотой оплетке оказался полым! Внутри него была пустота, и стало ясно, что это флакон, сделанный в форме украшения потрясающей красоты.

Я невольно протянула к нему руку и даже успела коснуться пальцами гладкой сверкающей грани камня, как меня будто прострелило насквозь.

Рука сама собой отдернулась. Что-то было не так с этим украшением, но я представления не имела что. К сожалению, как раз в этот момент со стороны широкой постели Красного дожа раздался мягкий бархатистый голос:

– Какая непредусмотрительность – трогать вещи своего господина. Прямо у его постели. Под желудком сжалось, в голову ударила кровь.

Страх.

Адреналин.

Жажда...

Я медленно повернула голову, взглянув в глаза, полные укрощенного кровавого пламени, застывшего где-то на дне радужек. И замерла, боясь вздохнуть.

Дож проснулся.

Глава 4. Цвет: вечерняя заря

Время начало стремительно замедляться.

– Я сейчас уйду, не обращайтесь на меня внимания, – пробормотала я, едва шевеля губами.

Все, что я испытывала в данный момент, более походило на то, как если бы я попала в чужое тело. В то, которое не слушается и не подчиняется, в то, которым управлять – сушая пытка.

– Вот уж вряд ли, – протянул медленно дож.

И его алые глаза блеснули. Я вдруг вспомнила, как Ал говорил: «К дожу нужно обращаться „Сияй, Райя-нор“».

А я опять нарушила правила.

В это время мой кошмар начал вставать с постели. Движения мужчины были медленными, перетекали одно в другое, и я как замороженная следила за тем, как перетекают мощные мышцы под его смуглой кожей.

Бред.

Одеяло, укрывавшее нижнюю часть его тела, упало, и моим глазам предстал полностью обнаженный повелитель этого фантазмагорического места.

Сглотнула ком в горле и старательно стала смотреть в яркие глаза, которые словно слегка фосфоресцировали в темноте. Дож сделал шаг ко мне – а я синхронно с ним отшатнулась назад.

Еще шаг – и я снова отступаю. А на ярких полных, но не крупных губах дожа мелькает хищная улыбка.

Еще шаг – и...

– Стой на месте, – приказал он, и я не смогла сдвинуться.

Смотреть на него все еще было почти больно. Он казался слишком красивым. Так не должно быть, но я ничего не могла с этим поделать. Словно от него распространялась какая-то невидимая магическая сила, окутывающая меня, проникающая сквозь поры, отравляющая изнутри.

Ноги больше даже не пытались шевелиться, и, хотя где-то внутри я испытывала болезненный щемящий страх, кроме него под ребрами шевелилась какая-то неразумная радость оттого, что я не могу убежать. И оттого, что я буду продолжать находиться рядом с этим мужчиной.

А он меж тем неторопливо обошел меня по кругу и остановился напротив. Так близко, что у меня перехватило дыхание и я кожей ощутила жар его тела.

– Красивая, – протянул он, пока я вместо того, чтобы отвести взгляд, рассматривала его длинные черные волосы, рассыпавшиеся по плечам, широкую грудную клетку и удивительную татуировку дракона на левом плече. Татуировку, которая больше не казалась обычной. Теперь я видела, как она шевелится, как перетекает ее чешуйчатое тело вдоль округлых мышц дожа, как горят рубиново-огненные глаза рептилии, что глядела только на меня, то открывая, то закрывая пасть, полную клыков.

Это было удивительно... страшно и красиво.

– А-лек-сан-дра, – протянул мое имя дож, словно пробуя его на вкус. И наклонил голову к моему лицу. Я почти ощутила, как кончик его носа коснулся моего...

Пальцы начали мелко подрагивать.

А еще я стала старательно вспоминать, когда говорила ему свое имя.

Не вспомнила.

Дож запустил руку в мои волосы и, сжав, заставил запрокинуть голову.

Я тихо ахнула, когда его губы оказались в паре миллиметров от моих.

– Ты уже хочешь меня, – протянул он, и эти его потрясюще красивые губы изогнулись в улыбке, почти коснувшись меня.

Позвоночник будто ударило током.

– Ничего подобного, – выдохнула через силу, и бровь дожа насмешливо взлетела вверх.

– Неужели? – усмехнулся он, а затем скользнул щекой по моей щеке, наклонился чуть ниже и...

...тихий стон вырвался из моей груди.

Его губы коснулись основания моей шеи, затем снова и снова. Мягко и осторожно, ласково и чувственно выводя невидимые узоры на самых чувствительных точках. Словно бы и вовсе на голых нервах.

Я никогда не отличалась особой чувствительностью, но сейчас все было иначе. Словно меня кто-то подменил. Все тело вместе с «начинкой».

– Я не хочу вас, я хочу домой. Вот бы вы меня отпустили, я б вам спасибо сказала, – пробормотала какую-то ахинею, старательно зажмуриваясь и кусая губы, чтобы не выдать снова какой-нибудь пошлый и никчемный звук.

Дож перестал меня целовать, но не отстранился.

Захотелось пропищать что-то разочарованное. Прикусила губу сильнее.

– Выкинь эту чушь из головы, – бросил мужчина, не улыбаясь, и жестко обхватил меня за подбородок. – Ты теперь моя собственность. И пока не наскучишь мне, можешь не мечтать освободиться. И лучше бы тебе вести себя почтительно, аурия.

– Значит, я действительно рабыня? – выдохнула, испытывая привычное раздражение. Какое может быть рабство в двадцать первом веке?..

– А ты думала кто? – Дож сдвинул темные брови. – Ты не из Огненной луны, – констатировал он, а я чуть не хлопнула себя по лбу.

– Нет-нет, я из... – проблеяла нервно, пытаюсь найти выход из положения, но не успела.

– Ничего, это я узнаю позже, – прервал он жестко и вдруг толкнул меня к окну.

Огромное, полукруглое, оно было обрамлено тяжелыми темными шторами, а внизу располагался широкий подоконник с резьбой, напоминающей слоновую кость.

Туда-то меня дождь и усадил, подняв так резко и легко, словно я была плюшевой, а не живой.

Я что-то протестующе пропищала, но через мгновение мужчина оказался между моих разведенных ног, под которыми не оказалось нижнего белья. Легкий пеньюар с юбкой из струящихся тканей разлетелся в стороны, как туман. И я оказалась почти вплотную к обнаженному мужчине.

Голая.

О боже.

Огненно-золотая луна светила мне в спину, ее искрящиеся лучи освещали гладкую кожу дождя цвета темной карамели, играли в его кроваво-алых глазах. А я не могла вздохнуть от страха и... жажды, что была еще темнее кожи этого мужчины.

Я зажмурилась, коснувшись ладонями его груди, отталкивая и не двигаясь. Чувствуя, как жар его тела перетекает в меня. Губит сознание, разум.

Меня трясло, а между ног стало ощутимо жарче. Тянувшее желание скрутилось в основании живота тугим спазмом.

И все равно я хотела убежать. Как можно дальше и быстрее.

Не вышло.

А дождь на мгновение замер, опустив взгляд вниз, на мою грудь, которая теперь ничем не была прикрыта.

Куда делся проклятый пеньюар? Он хоть и выглядел ужасно бесстыдно и почти ничего не прикрывал, но теперь казался мне прекрасным спасением.

Однако его не было. Только легкий лиловый дымок где-то за спиной мужчины медленно развеивался, напоминая, что когда-то он был тканью.

– Идеально... – раздался тихий и будто чуть охрипший мужской голос, пронзивший меня через сердце до самого основания, когда дож поднял руку и костяшками пальцев провел по моему твердому как камень соску.

Снова удар тока по нервам. Снова дрожь в теле, от которой невозможно избавиться. Словно мне дико холодно и я вот-вот умру от обморожения.

Но мне не холодно. Мне жарко.

Веки опустились, и только из-под дрожащих ресниц я продолжала наблюдать, как дож поднимает и вторую руку, касаясь другого соска. Мои челюсти сами собой стискиваются, я пытаюсь сжать колени, потому что огонь в основании живота начинает сводить с ума.

Это словно какая-то магия... Хотя почему какая-то? Дракон на плече повелителя шевелится, смотрит на меня. И мне кажется, что его огненные глаза с каждой секундой горят все ярче.

В глаза дожа я посмотреть не могу. Нет сил поднять голову.

Пальцы на мужской груди сжались, прочертив легкие розовые полосы. И тут же он становится ближе, преодолев последнее расстояние между нами.

Моя грудь касается его груди, ноги сильнее обхватывают горячее мужское тело, и я понимаю, что вот-вот упаду в обморок.

В голове пожар. Между бедер – твердое раскаленное желание дожа.

И мое желание...

Я не ребенок, у меня были мужчины и прежде. Но сейчас кажется, что все это пустые воспоминания. Потому что этот человек сумел довести меня до полубезумного состояния всего парой прикосновений.

В этот момент он снова коснулся моего подбородка, заставив посмотреть на себя, и медленно приблизился к моим губам.

– В этот раз я не буду целовать тебя, Алек-сандра, – протянул он, а я как завороченная смотрела только на его губы, изогнутые в легкой и самой сексуальной улыбке в моей жизни.

Хотелось ответить, закричать: «Почему? Почему, дьявол тебя заберет, ты не будешь меня целовать, проклятый извращенец? Поцелуй уже меня скорее!»

Но у меня дрожали даже губы. Как в детстве, когда было страшно заговорить с понравившимся мальчиком.

Я лишь тихо выдохнула, распахнув губы, которые так сильно ждали прикосновения, что начали зудеть. В этот миг раскаленная плоть там, внизу, скользнула, дразня меня чем-то недосягаемым.

Дождь снова не двигался.

Я застонала.

Губы повелителя мазнули по моим и отстранились.

Горячий спазм сжал мышцы пресса и упал вниз шаровой молнией, растекающейся по нервам ожившей лавой.

– Я хочу, чтобы ты меня просила, строптивая девчонка, – хрипло и ужасно сексуально промурлыкал дож.

Я зажмурилась, пытаюсь остановить мышцы ног, которые то и дело вздрагивали, пытаюсь прижаться сильнее, обхватить чужие обнаженные бедра, вдавить в себя и изогнуться, почувствовав сладкую наполненность.

Проклятье.

Нет.

Нет-нет-нет...

– Ты хо-о-очешь, – прошептал дож, снова коснувшись моих губ, будто случайно.

Новый раскаленный шар упал вниз и лопнул, взбрызгивая в вены пламя.

– Ты уже проиграла, – продолжал повелитель, и вслед за его словами – жгучее короткое движение, затрагивающее самую чувствительную точку между ног.

Я не понимаю, как поднимаю руки и погружаю их в черный мягкий водопад. Чувствую лишь наслаждение, подобного которому не испытывала никогда в жизни.

– Скажи правду, – мягко и горячо сказал он, позволив мне касаться себя, гладить и притягивать, – скажи, что хочешь остаться и быть моей. И я позволю тебе получить то, что ты хочешь...

Нет-нет-нет.

Да, пожалуйста...

Скользнул щекой по щеке, убрал назад мои волосы и обхватил губами мочку уха, сладко посасывая, прикусывая.

Снова спазм, расходящийся по крови разрушительной волной.

Я сжимаю ноги, притягиваю к себе дожа, даже не пытаюсь мысленно ругать себя за это. Мысли уже не работают, не живут. Живет что-то другое.

Тягучее и пьянящее, пряное и смертоносное, как пустынный ураган.

Дождь не сопротивляется. Горячая плоть скользит по оголенным нервам, не завладевая мной, не присваивая физически.

Но психологически побеждая.

– Скажи, А-лек-санд-ра-а-а-а, – шепчет дождь, и его голос обволакивает, уничтожает остатки воли. – Скажи, что хочешь быть моей.

– Хочу, – тихо, едва слышно выдыхая я, потому что от желания, сжигающего вены, становится почти физически больно.

В этот момент он сжимает пальцы на моем затылке, заставив откинуть голову назад, и целует. Проникает в меня языком, властно и сильно, как будто этого достаточно, чтобы я стала его.

Может, и достаточно.

Меня разрывает на осколки в тот же миг. Это странно и пугающе, но это волшебно. Жар растекается внутри волнами огня, и мне кажется, что из моих глаз тоже должно литься пламя. Как и из его в этот момент, когда он смотрит на меня, наблюдая каждую секунду разрывающее меня изнутри удовольствие.

И улыбки больше нет на его лице.

Когда меня перестает трясти, я понимаю, что он все еще стоит рядом, на этот раз опираясь на подоконник руками по обеим сторонам от меня. И смотрит.

Я не могу вынести его взгляд. Все еще не могу. А потому смотрю на дракона, что стал спокойнее. Драконьи глаза уже горят не так ярко, и клыки не виднеются из распахнутой пасти. Он ее закрыл.

Дождь, словно удостоверившись, что я пришла в себя, отстранился и пошел в сторону большого золоченого шкафа, напоминающего буфет.

– Это что, все? – зачем-то выдохнула я и тут же покраснела.

Дождь резко повернулся, и на его лице застыла насмешка.

– Хочешь еще? – спросил он внешне совершенно спокойно, но в голосе то и дело проскальзывала хрипотца, которую было не так просто скрыть.

Он хотел меня. Но не торопился.

Какого лешего мне есть до этого дело? Раз уж я теперь соображаю, неплохо бы валить отсюда побыстрее! Пока не начался второй раунд...

В ответ на вопрос дождя я фыркнула.

Он отвернулся, не переставая слегка улыбаться. Налил себе в бокал чего-то золотисто-бордового. Казалось, что это вино, в котором плавают волшебная пыльца фей...

Захотелось попробовать, но я скорее сгорю заживо, чем озвучу нечто подобное. И так уже до основания припозорилась со своими ничем не объяснимыми признаниями.

– Не забывай свои слова, Александра, – спокойно сказал дож, отхлебнув большой глоток из бокала. – Я не буду возвращаться к ним снова. Ты сделала свой выбор. И я тебя к нему не принуждал.

Я только было открыла рот, чтобы поспорить, но тут же закрыла. Действительно не принуждал. То, что я оказалась голой на окне, – дело его рук. А вот то, что вырвалось из моего сжатого спазмом горла, – целиком и полностью мое.

С собой нужно оставаться честной до конца. Или твое слово не будет ничего стоить.

– Хорошо, что ты со мной согласна, – кивнул дож, словно слышал мои мысли. – Не люблю дур, с ними слишком много мороки.

Стакан с громким стуком осел на лакированный стол.

Я разозлилась.

На мой взгляд, я именно такой дурой и была, раз все дошло до этой ситуации.

– Ну что вы, Райя-нор, не смею рисковать вызвать ваш гнев, – процедила я, старательно иронизируя. – Позвольте ли откланяться и скрыться в своей опочивальне, чтобы дальше предаваться там сладким мечтам о вашей сияющей персоне?

Повелитель замер, черная бровь уже знакомым изгибом взлетела вверх.

Он был красив. Проклятье, он был чудовищно красив.

– Острый язык, – проговорил он тут же, оглядывая меня с ног до головы. Не вовремя вспомнилось, что я голая. Стало стыдно и неловко. – У аурии язык не для болтовни, кошечка, а для более приятных занятий. Тебе скоро предстоит это узнать. Свободна.

Опять где-то под ребрами когтистой лапой заскребло раздражение. Ох, я бы сейчас ему ответила!

Но он любезно предложил свалить, и этим надо воспользоваться.

Только вот...

– Я голая, – выдала слегка дрогнувшим голосом, разглядывая свои все еще возбужденно торчащие соски.

Показалось, что дож усмехнулся.

– Ну и что?

– А если меня кто-то увидит? – уже почти не сдерживая раздражения, выпалила я, распахнув руки в стороны.

Мужчина снова прошелся по мне взглядом, словно мой жест был приглашением именно для этого.

Быстро запахла руки обратно и сцепила на груди.

– Никто тебя не увидит, – безразлично ответил он, опустошил бокал и повернулся к буфету, чтобы снова его наполнить. – Ты видела кого-то, когда шла сюда?

– Эм... нет. А где все были? Куда все делись?

Казалось бы, вот не надо ничего спрашивать! Сказали тебе, что нет никого, ну и делай ноги скорее!

Вот только я прямо кожей чувствовала, что мне необходимо знать ответ на этот вопрос. Снова хищная улыбка на темно-алых губах.

– Я приказал всем уйти. Чтобы ты могла спокойно добраться до моих покоев.

– Что?! – ахнула я, краснея с ног до головы.

Как? Как он узнал?..

Тут же вспомнилось странное зовущее ощущение, что появилось у меня, стоило лишь войти в коридор.

Я стиснула зубы.

Вокруг меня словно сплелась непроходимая паутина, и я вязла в ней все глубже и глубже. Из нее невозможно было выбраться, не зная правил, по которым паук сплетал свои узлы.

Кивнула.

– Так что можешь идти и ничего не бояться, – добавил Райя-нор. – Аурию дожа никто не смеет трогать. С тобой ничего не случится.

Снова кивнула.

Нужно все хорошенько обдумать, а лучше – спросить у кого-то, кто знает, что здесь происходит. Значит, надо найти Ала.

Я уже шагнула к выходу и одной ногой переступила порог, как вдруг остановилась и через плечо спросила:

– А этот дракон на вашем плече, он двигается, отражая ваше настроение?

Мне показалось, что так оно и есть. Что это как некая индикаторная метка вроде колечка, меняющего цвет, что было так модно много лет назад.

Вот только дож вдруг замер, как будто его в камень превратили. Стакан в его руке треснул, но не рассыпался. И только вино с золотой пылью продолжало плескаться во вмиг заledenевшем и лишившемся движений мире.

– Ты видишь движения дракона? – спросил дож так тихо, что я едва его слышала.

Врать уже было бессмысленно.

– Вижу, – холодея изнутри, ответила я. Опять что-то лишнее ляпнула. Опять. – А это... плохо?

Несколько мгновений дож молчал, продолжая сверлить меня красивыми рубиново-красными глазами. Я уж думала, он не ответит, как он сказал:

– Нет, все в порядке. Иди.

И я поспешила воспользоваться вторым разрешением. Что-то подсказывало, что третьего может не быть.

Глава 5. Цвет: винный

На новом месте я спала как убитая. Вероятно, этому так поспособствовало количество переживаний и испытанных ощущений.

Признаться, ко всему прочему, я очень рассчитывала, что, открыв глаза, обнаружу себя в своей простенькой постельке дома. Но передо мной снова был расписной балдахин с тонкими тканями и белье, сшитое из какого-то совершенно непонятного материала. Невероятно мягкого и красивого! Конечно, у дожа в покоях было вообще сказочно, но и у меня неплохо.

Ну вот, похоже, я уже начала здесь обживаться...

– Надо бросать это дело, – фыркнула я, слезая с постели.

Вчера перед сном дверь я закрыла на задвижку изнутри и теперь была почти полностью спокойна насчет своей безопасности. Однако, когда раздался громкий стук, это не помешало подпрыгнуть от неожиданности и покрыться испариной страха.

Сразу же вспомнились вчерашние легаты, и мне несколько поплохело. Может, это уже Эйрон Селестиан пожаловал за своей зарплатой? А у меня из наличности только морщины от недосыпа и перепутанный перманент с приятным сиренево-лиловым оттенком.

– Кто там? – крикнула я, когда через пару мгновений оказалось, что никто не собирается выламывать дверь и нападать на меня с топором или мечом.

– Завтрак, аурия, – прозвучал спокойный женский голос из-за двери.

– Спасибо, я не... не очень хочу, – ответила первое, что пришло в голову, чтобы отослать подальше гостью.

– Кроме завтрака у меня к вам распоряжения от дожа, аурия, – снова прозвучал голос. – Не велено уходить, пока не передам.

Что ж, доходчиво.

– Но я голая, – выдохнула, вспоминая, что после вчерашнего лишения одежды не обнаружила для себя даже халата.

– Наряды аурии я тоже уполномочена вам передать.

Пришлось открывать.

За дверью меня ждала хрупкая девушка с самым серьезным и деловым выражением лица. У нее была смуглая кожа и темно-каштановые волосы, на одной руке балансировал серебряный поднос с чем-то ароматным и дымящимся, а через правую была перекинута какая-то красивая блестящая накидка или что-то вроде того.

Я пропустила служанку к себе, невольно отмечая, что нигде в видимых местах у нее не торчит рукоять кинжала.

Дверь захлопнулась, на мою наготу служанка даже не взглянула.

– Аурия Алек-сандра, – назвала она неправильно мое имя, – меня зовут рия Чар. Я буду вашей личной служанкой, обращайтесь ко мне в любое время, как я вам понадобится.

Она шагнула в сторону от двери и положила одежду на маленький пуфик рядом, а поднос с едой – на каменный журнальный столик.

– Но как мне тебя позвать? – тем временем обдумывала я ее слова. Ведь мне и впрямь может понадобиться чья-то помощь. Причем экстренно.

Может, если бы я вчера знала, что у меня есть такая возможность, проблем с легатами удалось бы избежать.

– Чтобы я пришла, зажгите лампаду вызова, – сказала служанка, указав на удивительный медный подсвечник с распахнутой пастью дракона. Лампада располагалась на длинной витиеватой ножке возле входной двери. И между зубами мифической твари виднелся фитиль, который мне, судя по всему, и полагалось зажечь.

– А чем зажечь? – спросила я без задней мысли, оглядываясь в поиске зажигалки или, на худой конец, огнива. Камина в моих покоях тоже, кстати, не было. Короче, раздобыть огонь казалось совершенно невозможно.

Служанка посмотрела на меня странно. Я бы даже сказала, с подозрением.

– Зажгите магией, аурия. Зачем вам что-то еще?

Я снова слегка похолодела, но заставила себя улыбнуться и кивнуть.

– Вот так, – проговорила рия Чар, подняла руку и щелкнула пальцами. Тут же от ее аккуратных ухоженных ногтей в воздух взлетело несколько искр. Девушка протянула руку к лампаде, и та тут же зажглась. – Если у вас слабая магия, вы можете не беспокоиться, хватит и мельчайшего воздействия.

– Ну конечно. – Я поспешно закивала. – У меня слабая, да, я боялась, что не получится.

– Хотите попробовать прямо сейчас?

– Нет-нет! – воскликнула поспешно. – Потренируюсь потом, а то мне... стеснительно, – выдавила с глупой улыбкой. Уверена, тот факт, что я чувствовала себя невероятно глупо, должен был прекрасно сойти за стеснение.

– Конечно, аурия, – кивнула девушка и снова приобрела деловой вид, сложив ладони под грудью. Ее большие карие глаза блеснули. А я обратила внимание, что она не обладает особой красотой, где-то ее даже можно было назвать непривлекательной. Слишком большой нос, тонкие губы с легкими морщинками, словно она часто их с раздражением сжимает... – Теперь насчет распоряжения великого дожа. Сегодня вечером состоится торжественная встреча делегации морской империи. Вам приказано прислуживать за столом Его сиянию, нашему благословенному повелителю.

– В смысле я должна прислуживать дожу? – переспросила я, сдвинув брови.

Чар посмотрела на меня как на идиотку и кивнула. Похоже, «Его сияние» было титулом.

– Вот наряд на мероприятие. – Служанка наклонилась и сдвинула в сторону на пуфике серебристый наряд. Под ним оказался еще один.

– А вот это повседневная одежда для вас на сегодня.

Это было платье с твердым корсетом и мягкой юбкой – слава богу, цельной. Рукавов не было. Оно выглядело привлекательно, хотя я и начала замечать некие элементы дизайна, явно служащие опознавательными отличиями. К примеру, вот эти блестящие рубиново-красные полосы на основании подола присутствовали не только на моем наряде, но и на простом темно-синем платье самой рии Чар.

– Завтрак изволите оставить или мне унести? – продолжала служанка, но к этому времени запах так сильно растерроризировал мне вкусовые рецепторы, что в желудке развернул крылья дракон адского голода.

– Нет-нет, завтрак можно оставить, а вот платья... – Я поморщилась.

Вот с чего они взяли, что я буду исполнять роль официантки? Видимо, за непослушание все же предусмотрено какое-то наказание. А мне, к примеру, совсем не хотелось оказываться в тюрьме или получить палками по спине.

– Желаете отказаться от работы? – лениво уточнила рия Чар, зачем-то оглядев меня с ног до головы.

– А что, это можно? – с надеждой приподняла бровь я.

– Конечно, – кивнула та. – Тогда вам, скорее всего, подберут другую должность, сместив с почетной роли аурии.

– И что же это за должность?

– Например вам могут предложить стать «рией», – холодно ответила она, взглянув прямо мне в глаза.

Стало сильно не по себе. Чар как раз была рией. Видимо, это означает простую служанку. И вместо того, чтобы прислуживать дожу, я буду вынуждена исполнять поручения кого-то другого.

– А еще? – почти начала торговаться я.

– Или вы можете стать «ией».

– А это что?

– Уборщица, полойка, золотарка, – перечисляла Чар, не отводя от меня взгляда. – Если повезет, поставят мастерицей над туалетом Красного дожа. Но я бы на это не рассчитывала. Для этого нужно иметь сильную магию.

Я хлопнула себя ладонью по лбу. Не удержалась.

– Так что передать, аурия? Вы согласны прислуживать на мероприятии?

Судя по голосу, рие Чар было абсолютно наплевать на мой ответ. А меня это даже радовало. Хоть кто-то не был заинтересован в моей судьбе! А то всем что-то надо, ей-богу...

– Согласна-согласна, – кивнула я, еще не зная, на что подписываюсь. А то, может, на полойку бы согласилась.

– Тогда будьте готовы в час василиска возле зала Переливчатых струй, – сказала служанка, разворачиваясь к выходу. – Награду за работу получите по окончании бала.

– Ой, еще и денег дадут? – удивилась я.

Чар приподняла бровь.

– За работу полагается оплата, – подтвердила она. – Даже ауриям, риям и иям.

– Ух ты, это нравится мне больше. – Я даже улыбнулась.

Будет чем заплатить ушлому легату! Если, конечно, денег хватит.

Чар передернула плечами, словно ей наплевать, нравится это мне или нет, а я невольно зарылась ладонью в волосы и... с трудом смогла вытащить руку из всклокоченного гнезда.

– Эй, как тебя, рия! – воскликнула я, пока шустрая служанка не убежала окончательно. – Где здесь можно принять душ?

Девушка окинула меня уже знакомым взглядом «что за бред, курица ты безмозглая».

– Я говорю, ванная тут есть? – повторила с нажимом, пряча наготу за дверью.

– А, конечно. Направа из вашей комнаты, затем прямо по коридору, в конце налево, до конца и снова направо.

– Черт.

– Что, простите?

– Я говорю, поняла, спасибо, – процедила сквозь натянутую улыбку и захлопнула дверь.

Ну что за люди? Как будто нарочно надо сделать все посложнее. Чтобы ни в жисть не запомнить, а потом еще и забыть.

Хоть завтрак порадовал. Так вкусно я давно не ела! Яичница была из каких-то огромных яиц, а бекон имел необычный привкус. В кувшине вместо чая оказалось, судя по вкусу, легкое фруктовое вино, а булочки были вылеплены в форме пухлых змеек с глазками из клубники.

Однако завтрак завтраком, а привести себя в божеский вид не мешало бы. Через четверть часа я уже выскальзывала из своих покоев в новом темно-бордовом платье аурии в поисках ванной комнаты. Я очень надеялась, что нам будет что-то для обесцвеченных волос, но, признаться, сильно в этом сомневалась. Это нервировало! Моя скромная шевелюра нуждалась в совершенно нескромном уходе, или я просто-напросто не смогу ее расчесать.

На этот раз коридор, который вчера был совершенно пустым, радовал обилием стражников. Посты стояли чуть ли не у каждой двери и поворота коридора. Хорошо хоть, на меня особенно никто не обращал внимания. Разве что, когда я проходила мимо, охрана, не глядя на меня, салютовала алебардами. И на этом все.

Я сперва испугалась, но даже как-то приятно, надо заметить! От меня ненакрашенной так никто в обморок не упал, а приветствовать – приветствовали! Как какую-то важную особу.

Впрочем, гордилась я ровно до того момента, как на очередном повороте коридора меня слегка не обломали. Когда я уже видела впереди вожаки ванные комнаты или купален – шишига знает, что у них тут в замке предусмотрено, мне навстречу выскочил чуть ли не сам дьявол.

Или чума адская. Или армагеддон в штанах и жилетке со стоячим воротником и золотой вышивкой.

Парень, в общем, лет тринадцати и крайне задиристого вида. Задирать он собрался как раз меня – это я прочла в его глазах совершенно точно.

– Ой, кто это у нас тут нарисовался, хрен сотрешь? – выдал он мне, не здороваясь и уж точно не салютуя, как стражники.

На юном лице появилась вполне себе взрослая ядовито-насмешливая улыбка.

Я даже дара речи на миг лишилась.

– Ну-ну, – поцокал он языком, оглядывая меня с головы до ног, а потом начал демонстративно обходить по кругу. – Ни кожи ни рожи, как говорится. Очередная курица в казенных тряпках на жирных ляхах.

В зобу дыхание сперло.

– Ты, пацан, совсем берега попутал, я смотрю? – выдохнула я, когда раздражение немного расслабило лапки на моем горле. Но ладошки мои то и дело подол платица-то приглаживали, что-то ужасно неловко стало, неужели у меня и правда толстые ляжки?..

– Держи свой язычок за зубами, он тебе в другом месте понадобится, курица, – фыркнул парень, ничуть меня не боясь.

Впрочем, ему-то, конечно, бояться тут было нечего, в отличие от меня. Вот только вопрос о том, что это передо мной за птица такая важная, только нарастал.

– Ты кто вообще? – приподняла бровь я, стараясь не реагировать на его подначивания.

Сквозь кровавую пелену ярости в голове вдруг вспыхнуло яркое, как молния: а ведь даже звери не нападают просто так. Тем более люди.

Что-то бесило этого мальчишку во мне. Но я здесь новенькая. Видит он меня впервые. Тогда с какой стати?..

Ответ напрашивался сам собой. Его злило мое положение аурии. А вот в чем причина уже этого факта, мне предстояло разузнать. К примеру, хитростью.

– Не твое дело, кто я такой, чучело, – бросил он с вызовом, всем видом демонстрируя, будто он принц крови, а я – пыль под его ногами.

И тут меня осенила догадка.

– Еще не хватало болтать со всякой швалью, – добавил он, скривив лицо, но при этом совершенно не торопясь покидать мое общество. Будто бы пытался вывести меня на конфликт. Может быть, даже на драку.

И едва все это сложилось у меня в голове, как гнев резко отпустил.

– Ну так ты не болтай, малыш, иди себе восвояси, не мешай взрослым тетям приводить себя в порядок, – проговорила я, намереваясь развернуться и двигаться дальше в направлении ванной. Потому что если мои догадки верны, то передо мной... сын императора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.